

На правах рукописи

КАЛЁНОВА Наталья Алексеевна

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЭМОЦИЙ
В ЧАСТНОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный консультант – *Брысина Евгения Валентиновна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Дементьев Вадим Викторович*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики);

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», профессор кафедры современного русского языка);

Семененко Наталия Николаевна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВПО НИУ «Белгородский государственный университет», Старооскольский филиал, профессор кафедры филологии).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова».

Защита состоится 21 апреля 2016 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан ____ февраля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации становится **актуальным** в связи с всё возрастающей ролью методов информационно-психологического воздействия на носителя лингвокультуры. Частный эпистолярный дискурс (ЧЭД) в этом смысле интересен, так как представляет собой часть дискурса повседневности в его диахроническом аспекте. Эпистолярная фразеологическая единица (ФЕ) является ёмким в когнитивно-семантическом наполнении ресурсом в трансляции эмоциональной информации.

Актуальность настоящего исследования, таким образом, обусловлена тем, что оно раскрывает один из аспектов проблемы объективации эмоций в дискурсе повседневности, предлагает методику исследования этой проблемы в других языковых реализациях дискурса повседневности, что имеет важное культурное значение. Иными словами, изучение механизмов объективации эмоциональной информации позволяет выявить закономерности, которые можно использовать для эффективной объективации эмоциональной информации, а также для того, чтобы выработать методы противостояния нежелательным программам влияния.

Объектом предпринятого диссертационного исследования является фразеологическая эмотивность в ЧЭД.

Предмет изучения – когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в ЧЭД посредством ФЕ.

Гипотеза исследования. Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в ЧЭД, базирующиеся на общих принципах кодирования и декодирования информации, возможно, имеют специфику, обусловленную, с одной стороны, прагматическими координатами частного письма как дискурса, с другой – особенностями ФЕ как знака дискурсивно обусловленного.

Цель диссертационного исследования: изучить и описать когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ в ЧЭД.

Достижение поставленной в исследовании цели предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1. Выявить критерии, на основании которых можно осуществить отбор частных писем из массива других речевых произведений для анализа эмотивной фразеологии.
2. Дать определение понятия ЧЭД и разработать его когнитивно-прагматическую модель.
3. Выявить роль ФЕ в системе средств объективации эмоций в ЧЭД.
4. Изучить и описать способы фразеологической объективации эмоций.

5. Выявить и описать когнитивно-прагматические механизмы кодирования и декодирования эмоциональной информации посредством ФЕ в ЧЭД.

6. Определить роль структурно-семантических трансформаций ФЕ в выполнении ими эмотивной функции и когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологической эмотивности в ЧЭД.

7. Выявить и описать интердискурсивные факторы когнитивно-прагматических механизмов фразеологической объективации эмоций посредством ФЕ в ЧЭД.

8. Разработать принципы лексикографического описания эпистолярной фразеологии отдельной языковой личности и создать словарь, отражающий специфику фразеологической объективации эмоций в ЧЭД.

Материалом исследования послужила авторская картотека эпистолярных ФЕ, выбранных методом сплошной выборки из русских частных писем XIX–XXI вв., авторами которых являлись художники слова, представители творческой интеллигенции, а также простые, неизвестные люди. Картотека составляет более 5000 фразеомупотреблений. Использовали Национальный корпус русского языка, а также словари и справочники, список которых представлен в разделе «Список литературы».

Выбор методов исследования определялся стремлением обеспечить объективность результатов диссертационного изыскания, поэтому, учитывая сложность объекта изучения, применялся комплекс методов и приёмов: метод сплошной выборки; метод словарных дефиниций; метод лингвистического описания, включающий наблюдение, систематизацию, обобщение языковых фактов и позволяющий объяснять особенности строения и функционирования языковых единиц с учетом переходных случаев; метод фразеологической аппликации, заключающийся в наложении семантических структур ФЕ и слова, имеющих тождественные денотаты; метод компонентного анализа; метод фразеообразовательной комбинаторики; метод модальной рамки А. Вежбицкой, трансформированный для исследования эмотивной семантики ФЕ; методика психолингвистического эксперимента (ассоциативный эксперимент, анкетирование) в сочетании с методом модальной рамки в эксперименте; классифицирование.

Методологическая база исследования. Диссертационное изыскание базируется на теоретических положениях когнитивно-дискурсивной лингвистики (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова и др.); разноаспектных лингвистических исследований эпистолярия (О.И. Александрова, Л.А. Глинкина, Н.Е. Богуславская, З.М. Данкер, В.В. Паршина, В.И. Бакина, О.Н. Седова, Ф. Рушчак, Н.И. Белунова, С.В. Гусева, Н.А. Ковалёва; О.П. Фесенко, А.В. Курьянович, Т.П. Акимова и др.); исследований разговорной речи (Н.Б. Лебедева, Е.Г. Зырянова и др.); теории фразеологии

(Н.Ф. Алефиренко, А.М. Бабкин, Г.А. Багаутдинова, Л.А. Баркова, В.В. Виноградов, Ю.А. Гвоздарёв, К.И. Декатова, Е.И. Диброва, Е.А. Добрыднева, В.П. Жуков, Л.Г. Золотых, В.М. Мокиенко, Р.Н. Попов, А.В. Поселенкова, В.Н. Телия и др.); эмотивологии (А.В. Артёмова, Л.Г. Бабенко, И.С. Баженова, Е.Ф. Болдарева, В.И. Жельвис, С.В. Ионова, Л.А. Калимуллина, В.И. Шаховский и др.).

Научная новизна представленного диссертационного исследования состоит в том, что в нём впервые разработаны критерии выделения частного письма как речевого произведения; дано определение ЧЭД; внесены дополнения в методику когнитивно-прагматического моделирования, которая включает построение когнитивно-прагматической модели дискурса; разработана методика анализа фразеологической эмотивности, включающая комплекс операций, нацеленных на выявление роли ФЕ в объективации эмоций, которая может быть использована в исследовании другого материала; описаны когнитивно-прагматические механизмы объективации эмоциональной информации в ЧЭД с помощью ФЕ; разработаны принципы создания словаря эпистолярной фразеологии отдельной языковой личности, отражающего роль ФЕ в объективации эмоций.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно дополняет знания о частном письме как явлении русской лингвокультуры, вносит вклад в теорию дискурса, расширяя спектр изучаемых типов дискурса понятием ЧЭД; развивает эмотивологию в том её направлении, которое посвящено единицам, служащим для выражения эмоций носителями языка; расширяет знание о контекстуальных проявлениях ФЕ, свидетельствующих о потенциальных возможностях единицы; развивает идеи авторской лексикографии.

Практическая ценность исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в преподавании курса современного русского языка (разделы «Лексика» и «Фразеология»), эмотивологии, лингвистики текста, когнитивно-дискурсивной лингвистики, а также при изучении языка С.А. Есенина. Материалы могут быть взяты за основу в практике преподавания РКИ с учётом их доработки в соответствии с целями и задачами обучения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Частным письмом признаётся речевое произведение, отвечающее следующим критериям, которые могут быть сгруппированы как 1) дискурсивные, внетекстовые, обусловленные самой ситуацией общения, в которой оно создаётся; 2) текстовые, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) близость отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) выполнение

фатической или информативной функций; 5) отражение повседневной жизни в её субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность, отсроченность коммуникации; 7) зафиксированность на бумаге. Критерии второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) наличие элементов коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста. Такие свойства, как диалогичность, разговорность, политематичность, имеют дискурсивно-семантическую корреляцию, проявляясь как в дискурсивном, так и в текстовом воплощении.

2. ЧЭД понимается как акт взаимодействия участников частной эпистолярной коммуникации; акт трансляции информации (рациональной и эмоциональной) из концептосферы адресанта в концептосферу адресата; отсроченное коммуникативное *событие*, происходящее при условии дистантного расположения двух коммуникантов, находящихся в близких отношениях (семейных, дружеских, любовных); предполагающее приватность передачи сообщения, зафиксированного на бумаге; выполняющее информативную и фатическую функции; предметом данного коммуникативного события выступает повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами.

3. Трансляция эмоциональной информации в ЧЭД осуществляется комплексом средств. Роль ФЕ как средства объективации эмоций определяется следующими факторами: 1) ФЕ аккумулирует когнитивно-прагматический потенциал вербальных и невербальных средств объективации эмоций, что отражается в структуре и семантике ФЕ. В формировании эмотивности эпистолярной фразеологии не задействован фонетический уровень. 2) Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности, сосредоточенные в коннотативном макрокомпоненте фразеологического значения, по-разному участвуют в её формировании и функционировании как на этапе фразеомообразования, так и на этапе фразеомоупотребления в ЧЭД. 3) ФЕ вступает в когнитивно-семантическое взаимодействие с другими единицами высказывания, объективируя эмоции. Специфической для эпистолярной фразеологии является ориентация этих факторов на прагматический эффект, направленный на конкретного адресата.

4. Выделяются способы фразеологической объективации эмоций и, соответственно им, группы ФЕ, объективирующих эмоции в ЧЭД: 1) междоментные ФЕ, специфика функционирования которых в ЧЭД заключается в том, что они имеют в ядре своей семантической структуры особый семантический компонент, коррелирующий с эмотивным компонентом (ЭК) другой языковой единицы, входящей в структуру высказывания; 2) узуально эмотивные ФЕ, ЭК коннотативного макрокомпонента которых актуализируется и в смысловой структуре ФЕ; 3) эмотивные ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узуальной; 4) ФЕ, которые узуально не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотив-

ность единицы; 5) ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, участвуют в объективации эмоций; б) окказиональные и преобразованные ФЕ.

5. Когнитивно-прагматическая модель ЧЭД отражает его структуру как акта трансляции эмоциональной информации. Такая модель содержит указание на когнитивный блок адресанта, в котором формируются информационные сгущения, подлежащие трансляции посредством ЧЭД. Когнитивно-текстовый блок является зоной смыслового содержания транслируемого сгущения, для объективации которого адресант осуществляет поиск наиболее подходящей формы языкового воплощения. Текстовый блок отражает уровень смысла текста письма. В зоне модели ЧЭД, относящейся к блоку адресата, эти же зоны расположены в обратном порядке, однако процесс декодирования не является зеркальным отражением процесса кодирования. ФЕ рассматривается как элемент данной модели, являющийся ёмким по когнитивно-семантическому наполнению средством кодирования эмоциональной информации, специфика которого в особой роли индивидуальных, личностных смыслов, актуальных для участников коммуникации.

6. Когнитивно-прагматические механизмы представляют собой совокупность состояний, процессов и операций, которые обеспечивают трансформацию эмоциональной информации в ЭК смысловой структуры ФЕ и далее из ЭК смысловой структуры ФЕ в эмоциональную информацию, декодированную адресатом. Мотивационные, ассоциативные механизмы, механизмы памяти и воображения, речевой механизм, включающий ориентировку, планирование, реализацию плана и контроль правильности высказывания, образуют основу деятельности адресанта по трансляции эмоциональной информации в ЧЭД. Специфика этих механизмов в ориентации каждого из них на конкретного адресата. Инференция как механизм формирования информационного сгущения в концептосфере адресата подвергается воздействию разнонаправленных факторов, одним из которых является фактор адресанта.

7. Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологического значения состоят в выполнении таких когнитивных операций, которые обеспечивают передачу информации при отсутствии подходящей для коммуникативных целей единицы. В ЧЭД процессы преобразования когнитивных и формальных структур языковых ФЕ являются попыткой «подогнать» их под те когнитивные структуры, которые подлежат вербализации. Результатом этих лингвокреативных процессов становятся структурно-семантические трансформации, в основе которых лежат такие когнитивные механизмы, как выдвижение и лаконизация.

8. Когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в ЧЭД испытывают влияние интердискурсивных факторов. Координаты интердискурса, понимаемого как когнитивное пространство, кото-

рое находится за дискурсом и определяет его формацию, задают параметры коммуникативной ситуации, в которой создаётся и функционирует ЧЭД, влияют на выбор ФЕ в трансляции эмоциональной информации.

9. Роль языковой личности в организации ЧЭД, начиная от мотивационных механизмов, продолжает проявляться в выборе той информации, которая предполагается для трансляции посредством ЧЭД, а затем обнаруживается в выборе языковых единиц разных уровней, в том числе и ФЕ, а также в организации их комплексного взаимодействия, рассчитанного на наиболее эффективное воздействие на адресата. Словарь эпистолярной фразеологии отдельной языковой личности строится на принципах полноты охвата иллюстративного материала; многоаспектности анализа ФЕ с применением комплекса методик; максимальной представленности дискурсивного фона фразеопотребления, что привносит в словарь энциклопедический компонент; на принципах вычленения эмотивной семантики и анализа ФЕ по её роли в объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе С.А. Есенина. Указанные принципы основаны на антропоцентрическом подходе к анализируемому материалу и реализуют внимание к психолингвистическому аспекту языковой личности. Словарь эпистолярной фразеологии С.А. Есенина отражает особенности фразеопотребления, дискурсивные и интердискурсивные факторы фразеологической семантики, а также демонстрирует специфику фразеологической объективации эмоций в ЧЭД отдельной языковой личности.

Основные результаты исследования отражены в 62 публикациях общим объёмом более 40 п.л., из них 16 статей (10 п.л.) в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, глава в коллективной монографии (2,2 п.л.), словарь (4,8 п.л.), авторская монография (11,6 п.л.), а также статьи и тезисы докладов международных и всероссийских научных мероприятий.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, содержащей источники, словари и список основной научной литературы, а также приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, объект и предмет исследования, его цели и задачи, охарактеризованы анализируемый материал и методы исследования, представлены методологическая и теоретическая базы изыскания, раскрыты его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы гипотеза диссертационного исследования и положения, выносимые на защиту, а также указаны сведения об апробации основных результатов работы.

В **главе 1 «Частный эпистолярный дискурс как среда функционирования эмотивной фразеологии»** представлен поиск критериев, которые

дают основание использовать то или иное речевое произведение в качестве материала исследования. Последовательно рассматриваются разные аспекты существования частного письма, так как анализ разноаспектных лингвистических изысканий эпистолярия (А.В. Курьянович, А.А. Акишина, А.В. Белова, Н.И. Белунова, А.М. Дубинина, Т.Н. Кабанова, Н.А. Ковалёва, Л.В. Нижникова, И.А. Паперно, О.А. Подъяпольская, О.Н. Седова, В.А. Фалина, О.П. Фесенко, К.В. Фокина и др.) приводит к выводам: 1) определение *частное письмо* имеет разный объём в эпистоляриеведении, оно не всегда обособляется от других видов писем; 2) нет чёткого перечня критериев для выделения именно частного письма как источника исследования. В основу критериев положена коммуникативно-семиотическая модель жанров естественной письменной речи (Н.Б. Лебедева).

Изучение частного эпистолярия и эпистолярной фразеологии сквозь призму лингвофилософии 1) раскрывает природу дихотомической дуги «я» и «другой», связывающей участников коммуникации взаимонаправленно и обуславливающей мотивационные механизмы эпистолярной коммуникации: *«Каждое утро буду тебе писать покамест; и это мне в потребность, потому что думаю о тебе ежеминутно»* (Ф.М. Достоевский); 2) приводит к идее о моделируемости акта эпистолярной коммуникации, в котором адресант создаёт модель представлений о себе и событиях, происходящих в его жизни, сквозь призму его субъективного восприятия; 3) заставляет задуматься о том, что «другой» – тоже творец смысла, создающий свою модель того, что было транслировано: *«Долго пояснять моё положение, да вы отгадаете сами всё нужное и даже ненужное в нём»* (П.В. Анненков).

Эпистолярный интеракционизм (Н.В. Сапожникова) обеспечивает акт информационного взаимодействия коммуникантов в условиях их информационно-психологической совместимости. Частное письмо при этом предстаёт как некий сигнал, а отсутствие письма нарушает информационно-психологическую связь коммуникантов: *«Полно Вам сердиться на меня, дорогой Николай Сергеевич, дайте весточку о себе, о неизменно дорогих для меня калужских друзьях, о всём, что у Вас делается. Сознаю вполне, что кругом виноват перед Вами своим молчанием»* (Н.А. Серно-Соловьевич). Сделан вывод о необходимости разграничивать частное письмо как процесс и как его результат.

Выявлен один из критериев частного письма – *приватность* сообщения: *«Так как наши письма, дорогой мой, дружеская, интимная беседа, то не показывайте их никому, кроме членов Вашей семьи»* (А.П. Чехов). Формально критерий определяется по наличию конверта. Обозначены проблемы реа-

лизации критерия: 1) адресованность не одному, а нескольким лицам: «*Дорогая Анна, наконец, 1-го октября, я приехал на место, хотя и не знаю – окончательное ли <...> <...> – Дорогой Мик, вероятно ты уже дома, с мамой. <...> – Дорогая Тика, заботишься ли ты о мамочке? <...> – Дорогая Олечка, найди посредством мамы у меня в шкафу (наверху справа) “Географию” Семенова» (П.А. Флоренский); 2) преодоление цензуры с помощью введения специального кода: «*С Мясниковым я не виделся с самого взятия в плен. Филиппова и Веселова тоже давно не видел. Даже Сытов навещает меня очень, очень редко. Только когда получаю посылку» (М.Н. Миловский).**

Проанализирована реализация двух ведущих функций частного письма – информативной и фатической – в преломлении задач исследования. Одна из функций может превалировать: «*Вы уже знаете печальную, тяжёлую весть из Иркутска. Сию минуту принесли мне письмо Волконского, который описывает кончину Никиты Муравьева и говорит, что с тою же почтою пишет к вам. Тяжело будет вам услышать это горе. Писать не умею теперь. Говорить бы ещё мог, а лучше бы всего вместе помолчать и подумать» (И.И. Пущин).* Фатическая функция выходит на первый план. Информативная функция в частном письме имеет особенности: «*А самое главное, чтоб дворник держал ухо востро!*». Обсуждая вопросы делового характера, автор письма использует ФЕ *держат ухо востро* в значении ‘Разг. Экспрес. 1. Быть крайне осмотрительным с кем-либо, не доверять кому-либо. 2. Быть постоянно начеку’¹, имеющую коннотативную семантику.

Психолингвистическое осмысление природы частной эпистолярной коммуникации наталкивает на размышления: 1) о роли частного письма в психических и психологических процессах личности; 2) о вербальных способах создания в частной эпистолярной коммуникации благоприятного психологического климата, реализующегося в механизмах эмпатии: «*Но эта вторая сторона дела имеет в себе сторону личного удовлетворения, славы людской, и потому я невольно сдерживаю свое сочувствие к этой стороне вашей деятельности. Пожалуйста, не упрекайте меня ни в лишней скромности, ни гордости, перенесите в меня и поймите это» (Л.Н. Толстой); 3) о специфике реализации универсального предметного кода в ЧЭД (Н.И. Жинкин). Трансляция информации в частном письме, в том числе и эмоциональной, обеспечивается когнитивно-прагматическими механизмами, обусловленными свойствами и законами речи вообще и корректируемыми параметрами частного письма как речевого произведения. Параграф затрагивает также проблему восприятия, или декодирования, информации.*

¹ Здесь и далее значения ФЕ даны по: Фразеологический словарь русского языка / сост. А.И. Федоров. М.: Цитадель, 1997.

В основе эпистолярного взаимодействия лежат социальные роли коммуникантов, поэтому в нём проявляются и сложности их взаимоотношений: *«Зина! Я послал тебе вчера 2000 р. Как получишь, приезжай в Москву. Сергей Есенин. Типография Заработала. Денег у меня для тебя 10000 р.»*. Письмо является деловым неофициальным, несмотря на то, что их автор, С.А. Есенин, и адресат, З.Н. Райх, – супруги.

Частная эпистолярная коммуникация отражает динамику развития отношений между коммуникантами: *«Александр Васильевич! Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим»*. Деловые партнёрские отношения Есенина и Ширяевца перерастают в дружеские: *«Дорогой мой Шура! Прости, пожалуйста, за молчание. Все дела житейские мучают, а как освободишься, так и липнешь к памяти о друзьях, как к меду»*. Выделяются промежуточные зоны частного эпистолярия, в которых осуществляется смена регистра, появляются стилистически маркированные знаки косвенно-производной номинации, а также трансформированные или окказиональные ФЕ. Выявлен критерий: *характер отношения между коммуникантами*.

Перечислены критерии выделения частного письма как источника исследования эмотивной фразеологии: 1) внетекстовые, обусловленные самой коммуникативной ситуацией, в которой создаётся текст частного письма; 2) текстовые параметры, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) близость отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) выполнение фатической и/или информативной функций; 5) отражение повседневной жизни в её субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность коммуникативного акта (от момента кодирования до момента декодирования) и, соответственно, отсроченность передачи сообщения; 7) зафиксированность на материальном носителе (бумаге). Критерии второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) элементы коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста. Диалогичность, разговорность, политематичность проявляются как на уровне текста письма, так и на когнитивном уровне. По своей уникальности признаки могут быть интегральными и дифференциальными одновременно: приватность – интегральный (общее с таким речевым произведением, как дневник) и дифференциальный (телеграмма как способ коммуникации предусматривает, что содержание сообщения становится известным как минимум двум третьим лицам, а именно операторам, передающим это сообщение). Продемонстрирована применимость критериев на материале писем С.А. Есенина.

Представлено понятие ЧЭД как коммуникативного события, которое совпадает с концепцией Т.А. ванн Дейка, считавшего дискурс «сложным

единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта»¹. ЧЭД предстаёт как акт трансляции информации. «Информационное сгущение» (Н.Ф. Алефиренко), являющееся частью концептосферы личности адресанта, транслируется ЧЭД. Например, сопоставление фрагментов одного из писем М.О. Меньшикова: «*Сейчас звонят к вечерне. Последний звон мой в моей жизни. Слышите ли вы его? Слышите ли вы меня, мои любимые. Если есть за гробом жизнь, она вся будет наполнена мыслью о вас. Целую тебя, дорогая Маня, возвращаю кольцо обручальное и последние мои гостинцы для вас*» и воспоминаний М.В. Меньшиковой: «*В этот же день сын Савина принес мне пакетик от мужа, это было утром. Развернув его, я выронила из бумаги обручальное кольцо и испугалась. Муж возвращал мне кольцо. Мне стало жутко и страшно. Задыхаясь от волнения, я стала читать. Муж посылал прощальное письмо мне, детям, бабушке, друзьям и близким людям, любившим его, ценившим его. <...> Читая и разглядывая **присланное**, мы горько плакали. Долго не смолкали в нашей комнате стоны и рыдания*» позволяет проследить результаты кодирования информации в ЧЭД и результаты его декодирования.

ЧЭД – это отсроченное коммуникативное событие, происходящее при условии дистантного расположения двух (как минимум) коммуникантов, находящихся в близких отношениях (семейных, дружеских, любовных); предполагающее приватность передачи сообщения, зафиксированного на бумаге; выполняющее информативную и фатическую функции; предметом данного коммуникативного события выступает повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами. ЧЭД рассматривается как акт трансляции эмоциональной информации.

Глава 2 «Фразеологическая единица в системе средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе». Эмотивность ЧЭД обусловлена тем, что он транслирует эмоциональную информацию: «*Известие о дуэли вызвало у меня ряд очень неприятных мыслей, которые со всей откровенностью и складываю в вашу грудь*» (П.В. Анненков). ЧЭД объективирует по большей части негативные эмоции: «*Гадкая вещь сберегать письма <...>. Они дают повод судить о человеке по характеру ватер-клозета, какой он имел в своём доме*» (П.В. Анненков). Соотношение транслируемой рациональной и эмоционально-оценочной информации в ЧЭД зависит от многих факторов: «*Я крайне утомлён, зол и болен. Утомили меня мои науки и насущный хлеб, который в последний месяц я должен был заработать в удвоенной против обыкновения порции, так как брат художник воротился из солдатчины только вчера. Приходилось работать **чёрт знает где** – причи-*

¹ Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 122.

на, почему для прошлого номера не дал Вам рассказ. Так записался и утомился, что не дерзнул писать в “Осколки”: знал, что напишу чепуху. К утомлению прибавьте геморрой (*черти его принесли*)» (А.П. Чехов). Эмоциональная информация транслируется лексемами *зол, утомлён, болен, утомили, ФЕ чёрт знает где* в значении ‘Грубо-прост. Очень далеко или в очень плохих условиях’, *черти его принесли* ‘Прост. Экспрес. Выражение резкого недовольства по поводу прихода кого-либо’.

Эмотивность ЧЭД обусловлена также тем, что он оказывает эмоциональное воздействие на адресата: «*Второе письмо Ваше вывело меня из апатии*» (П.В. Анненков); «*Если у вас есть грехи, дорогой друг Alexandrine, то они, вероятно, вам простятся за то добро, которое вы мне сделали вашими двумя последними письмами*» (Л.Н. Толстой). Сложность мира эмоций проявляется в их языковой репрезентации.

Рассматривая средства объективации эмоциональной информации в ЧЭД, мы исходим из того, что в процессе трансляции эмоциональной информации он функционирует как единый организм, во взаимодействии вербальных и невербальных средств. Так, плохой почерк может стать эмоциогенным фактором: «*Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочёл Ваше письмо, вывихнул мне глаза*» (А.П. Чехов). Подчёркивая влияние качества почерка на декодирование сообщения, Чехов использует эмотивную ФЕ *вывихнуть глаз*, генетические связи которой ведут к ФЕ *вывихнешь язык*, имеющей значение ‘Прост. Ирон. Об очень трудных для произношения словах, фразах’, и ФЕ *ломать глаза* в значении ‘1. Морд. Смотреть на кого-л., на что-л. неприятное, нежелательное. 2. Жарг. Шк. Шутл. Списывать у соседа’.

Рассматриваются информационный потенциал предмета, вложенного в конверт, а также проблема вербального кодирования невербальных средств объективации эмоций: «*Вы пишете, что Костя не поехал в Москву для прощания с Самариным... Жаль, говорю я, приподымая брови à la Krotkoff и пожимая плечью*» (И.С. Аксаков). Делается вывод о том, что роль невербальных средств объективации информации должна учитываться в исследовании эмотивности ЧЭД, так как они вступают во взаимодействие с вербальными.

Вербальные средства объективации эмоций в ЧЭД, т.е. эмотивные единицы (В.И. Шаховский): фонетические (А.Ю. Паршин, Д.А. Романов), лексические (Л.Г. Бабенко, В.И. Говердовский, Ю.Л. Гончарова, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский), синтаксические (А.А. Водяха, С.В. Ионова, Е.Н. Дурова); лексико-фразеологические (Е.Ф. Болдарева, Л.Е. Кругликова), морфологические (Л.С. Коршунова), фразеологические (А.В. Артемова, И.В. Кашина, Е.В. Комарова, В.Б. Синюк) – функционируют в контексте комплексно, в сложнейшем взаимодействии: «*К тебе одному пришлось писать, любезный*

друг Иван! В этих словах выражается общее наше горе, которого **тяжесть** я разделяю с тобой. **Дай бог**, чтоб семейное участие взаимно помогало нам перенести **скорбную** мысль: она преобладает теперь над всеми другими. Третьего дня пришли ко мне твои листки с **печальным** рассказом» (И.И. Пущин). Сочувствие объективируется лексемами *горе*, *тяжесть* (ср. *тяжёлое горе*), *скорбный*, *печальный*. ФЕ, не являясь собственно эмотивной, «работает» на формирование эмотивности высказывания.

Осмысливая место ФЕ в системе средств объективации эмоций в ЧЭД, делаем следующие выводы: 1. Выявленная в исследовании Д.А. Романова эмотивность фонетического уровня языка в её преломлении во фразеологии не является определяющей в ЧЭД. 2. Паремии, сами являющиеся знаками образного кодирования субъективного восприятия окружающей действительности носителей лингвокультуры, в целом очень редко используются в ЧЭД. Так, в частном эпистолярном письме С.А. Есенина, насчитывающем 105 писем, выявлено 10 паремий, в том числе преобразованные и окказиональные: *Бодливой корове рога не даются; Давши слово – крепись; Лёг камушком, а поднялся калачиком; Маши каслом не испортишь* и др. 3. Эпистолярные прецедентные единицы обладают мощными когнитивно-прагматическими ресурсами (Т.П. Акимова), позволяющими использовать эти единицы сверхсловной номинации для объективации эмоций, например для формирования общего ироничного тона письма: *«Не велите казнить, велите слово вымолвить»* (А.П. Чехов). 4. Лексическая эмотивность продуцирует фразеологическую благодаря прозрачной внутренней форме: *«Какое, однако, слово Тургенев выдумал “нигилисты” – всякая собака им теперь пользуется»* (М.Е. Салтыков-Щедрин). ФЕ *каждая собака* в значении 'Прост. Пренебр. Каждый, всякий, любой (знает кого-либо, что-либо)'. Лексема *собака*, помимо денотативного компонента, имеет мощную базу коннотативных смыслов, включающих ассоциативно-образные, эмотивно-оценочные смыслы, культурную коннотацию, вступая этим комплексом во фразеологическую комбинаторику. 5. Аккумулируя эмотивный потенциал других средств объективации эмоциональной информации в процессе формирования фразеологической семантики, ФЕ вступает в сложное взаимодействие с языковыми единицами в эмотивном высказывании.

Выявлена специфика фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе, изучена роль внутренних ресурсов фразеологической эмотивности. Денотат может выступать в качестве внутреннего ресурса фразеологической эмотивности, но не всегда (например, ФЕ со значением 'умереть' – *уйти из жизни, откинуть копыта, дать дуба* и др. – имеют общий денотат, но содержат в структурах своих значений разные ЭК). Сделаны выводы о сосредоточенности внутренних ресурсов фразеологической эмотивности в коннотативном макрокомпоненте фразеоло-

гического значения и о роли индивидуальных смыслов, актуализирующихся в контекстуальном фразеопотреблении в ЧЭД.

Особое внимание уделено лингвокультурологическому фактору фразеологической эмотивности. Например, в письмах из-за границы обнаруживаем устойчивую единицу *американская автомобильная дорога*, объективирующую соответствующий концепт: *«Американская автомобильная дорога – это замечательно. Все время я смотрел только на нее, хотя сейчас удивительно красивый красный осенний пейзаж. В Вашингтоне я пробуду два дня – и назад в Нью-Йорк. Особенно интересно было ехать вечером, катишься, как на карусели и все двести пятьдесят миль дороги, это почти четыреста километров, кругом, и позади, и спереди, и навстречу катят автомобили. Какие-то старухи управляют машинами, девочки, все словно сорвались и едут, едут изо всех сил...»* (И.А. Ильф). Концепт транслируется на протяжении всей цепочки писем, а ФЕ объективирует восхищение и удивление. Обнаружена воспроизводимость единицы в материалах русскоязычных форумов.

Методы анализа фразеологической эмотивности в ЧЭД используются комплексно, уточняя результаты друг друга.

1. *Метод словарных дефиниций.*

2. *Компонентный анализ.* А) Построение микросистемы с анализируемой ФЕ: *«Между ними была непременно какая-нибудь предварительная сделка. Вы скажете: на кой чёрт кому знать это? – Нельзя! Из продажи дворика – всё дело вышло, нам надобно знать о нём пообстоятельнее: это дело юридическое. Как снег на голову упала на читателей продажа дворика»* (П.В. Анненков), где ФЕ *как снег на голову* имеет значение ‘Разг. Экспрес. 1. Внезапно, совершенно неожиданно. 2. Совершенно неожиданный, внезапный’. Синонимичные ФЕ *ни с того ни с сего* в значении ‘Разг. Экспрес. Без каких-либо видимых причин, без оснований’ и *за здорово живёшь* – ‘Прост. Ирон. Без всякой причины; неизвестно почему’. Гиперонимом в этой группе ФЕ, объединённых по денотативному содержанию, является лексема *неожиданно*, не имеющая ЭК. Сопоставление компонентного состава значений анализируемых единиц приводит к выводу, что ФЕ *как снег на голову* может иметь в смысловой структуре ЭК, объективирующей эмоцию иронии. Б) Построение, выявление пары семантически соотносимых языковых единиц по какому-либо параметру, в аспекте нашего исследования этим параметром становится ЭК, архисема противопоставлена дифференциальной семе. На этом этапе компонентного анализа действуют *принципы оппозиции*: сопоставление семантических структур *ползать в ногах* и *унижаться*, одним из маркирующих признаков оппозиции является яркий ЭК, объективирующий эмоцию презрения. В) Результаты компонентного анализа проверяют сложением сем: в сумме

архисема и дифференциальная сема складываются в основное значение ФЕ, при этом если речь идёт о контекстуальном употреблении знака косвенно-производной номинации, то такая сумма семантических признаков должна быть проанализирована с точки зрения её содержательного характера в анализируемом речевом произведении: *«Между ними была непременно какая-нибудь предварительная сделка. Вы скажете: на кой чёрт кому знать это? – Нельзя! Из продажи дворика – всё дело вышло, нам надобно знать о нём пообстоятельнее: это дело юридическое. [‘Неожиданно’+’разг.’+’иронично’+’экспрес.’] упала на читателей продажа дворика, а читатель знает, что эти вещи всё-таки с плутовством делаются и сопровождаются даже у крепостных людей борьбой, извилинами и кое-каким сопротивлением».*

3. Метод модальной рамки (по А. Вежбицкой) – был адаптирован к целям исследования, приняв вид $X=Y+ \text{я говорю это, выражая эмоцию } Z$, говорю это с эмоцией Z , где X – значение эмотивной ФЕ, Y – понятийное содержание фразеологического значения, а Z – переменная, объективирующая ЭК: *«Старший ребёнок мой, Павел, болен: у него холодная опухоль локтя на правой руке, болезнь, которая часто кончается отнятием руки. Бедная жена моя убита всем этим, но ещё бодрится, тогда как я **падаю духом** окончательно!»* (А.Ф. Писемский). ФЕ *падать духом* ‘Отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходить в уныние’ имеет контекстуально реализуемый ЭК: *«Бедная жена моя убита всем этим, но ещё бодрится, тогда как я [отчаиваюсь + я говорю это с отчаянием] **окончительно!**».* Сложности в применении этого метода были связаны с тем, что определение содержания названных переменных также основывалось на результатах исследовательской интуиции, поэтому выводы, сделанные в ходе применения этого метода, были подтверждены в психолингвистическом эксперименте.

4. Классифицирование.

5. Метод моделирования семантических полей – используется в работе над словарём эмотивной фразеологии отдельной языковой личности.

6. Психолингвистический эксперимент – охватывал 100 участников разного возраста и образования. Опросный лист эксперимента включал контекст с ФЕ, необходимо было ответить на вопросы: 1) «Как Вы думаете, выражает ли автор в данном высказывании какую-либо эмоцию (какие-либо эмоции)? Если выражает, то какую или какие?»; «Как Вы думаете, выделенная единица помогает автору выразить эти эмоции? То есть можно ли сказать, что автор именно этой единицей выражает указанную Вами эмоцию (указанные Вами эмоции)?»; 2) «Выражает ли данная единица какую-либо эмоцию (какие-либо эмоции)? Если да, то какую (какие)?». Эксперимент оказался трудоёмкой методикой, так как требовалась

предварительная подготовка участников, включающая объёмный инструктаж. Кроме того, ЧЭД – это продукт речевой деятельности языковой личности определённого этапа развития лингвокультуры, а реципиенты – современные её носители. Эксперимент показал огромную роль формально необъективированной эмоциональной информации в формировании эмотивности ЧЭД. Именно в эксперименте была обнаружена специфика эмотивности междометных ФЕ в ЧЭД. Эти методы могут быть применены и к другому материалу.

Анализ роли ФЕ в объективации эмоций позволил выделить способы фразеологической объективации эмоций в ЧЭД и, в соответствии с ними, группы ФЕ: 1) Междометные ФЕ: «*Боборыкина повесть – **чёрт знает что такое!***» (М.Е. Салтыков-Щедрин). Специфика эпистолярной междометной ФЕ в том, что указание на характер объективируемой ею эмоции может быть обнаружено в значении другой языковой единицы. Анализ более широкого контекста позволяет выявить объективацию возмущения: «*Нынче литераторы словно здравого смысла лишились*» (М.Е. Салтыков-Щедрин). 2) Узуально эмотивные ФЕ: «*Когда будет теплее, поеду хлопотать и, разумеется, сделаю уступки, изменения и проч. Может быть, в Мае и помещу. Т.-е. тогда, когда самый рассказ будет **после ужина горчица***» (М.Е. Салтыков-Щедрин), где ФЕ имеет значение ‘Ирон. О чём-либо ненужном, запоздалом’. 3) Узуально эмотивные ФЕ, реализующие иные эмотивные смыслы, чем зафиксированные в словаре: «*Я думаю, Унковскому надоел, **как горькая редька, своими делами***» (М.Е. Салтыков-Щедрин). ФЕ *надоел как горькая редька* – ‘Разг. Презр. Предельно, невыносимо (надоест)’ – могут быть объективированы эмоции презрения, раздражения, возмущения, гнева, например, в контексте «*Надоел он мне как горькая редька*». Анализируемый фрагмент письма М.Е. Салтыкова-Щедрина демонстрирует объективацию не эмоций раздражения, возмущения, гнева, которые, возможно, на самом деле испытывал Унковский, а эмоций досады, сожаления, огорчения, которые испытывал автор сообщения. 4) Узуально неэмотивные ФЕ: «*Господи! как подумаешь, что эта случайность ещё возможна, даже **мороз по коже подирает***» (М.Е. Салтыков-Щедрин). ФЕ *мороз по коже (подирает, продирает)* имеет значение ‘От внезапного сильного страха, волнения, ощущается озноб’. 5) Участие ФЕ в формировании общего эмотивного смысла высказывания: потенциально эмотивная, анализируемая единица реализует в следующем фрагменте письма контекстуальную эмотивность, объективируя эмоции презрения, пренебрежения: «*Есть в Тургеневе и малодушие и скрытость. Вся дрянь, всё отребье человеческое, в роде Сологуба так к нему и льнёт. И он как будто бы **в своей тарелке тут**, и что всего хуже, хочет показать, что они ему в тягость, что они навязываются, и он не знает, как отделаться от них*»

(М.Е. Салтыков-Щедрин). б) Окказиональные и речевые ФЕ: *«Я с течением времени всё больше и больше чувствую себя человеком сороковых годов. Но не талантом, ищущим популярности, а именно человеком сороковых годов в хорошем смысле»* (М.Е. Салтыков-Щедрин). Для автора словокомплекс *человек сороковых годов* имеет значение, не выводимое из суммы значений слов-компонентов, в том числе включает субъективные смыслы. Единица обнаруживается в художественных и публицистических текстах, современных автору.

В главе 3 **«Когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе посредством фразеологии»** в центре внимания оказываются те процессы, которые происходят при объективации эмоциональной информации с помощью ФЕ. Метод когнитивного моделирования (Т.Г. Ватолина, О.Б. Йокама, М.Ю. Олешков, Н.Н. Казыдуб, О.К. Шевченко, Т.А. Ширяева и др.) позволяет наглядно представить внутренние процессы, связанные с движением мысли и / или смысловых элементов значения языковых единиц (см. рис. 1 на с. 19). *Текст* частного письма как элемент ЧЭД – это результат кодирования и источник декодирования информации, в том числе эмоциональной.

Концептосфера адресанта. Когнитивный блок А1. Концептосфера адресанта понимается как совокупность концептов в его сознании. Информационное поле ЧЭД составляют те «информационные сгущения», которые адресант «подготовил» для трансляции посредством письма: *«Если ты хочешь знать Московские новости, скажу тебе, что соседка наша Соковнина при смерти вследствие родов. Соллогуб родила сына. Вот неделя как я не видала Вяземского. И муж и жена оба больны. На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день»* (М.А. Волкова). Есть общие для коммуникантов фрагменты концептосфер, поэтому третье лицо, не участвующее в этом акте эпистолярной коммуникации, для декодирования сообщения нуждается в восполнении «смысловых скважин» (по Н.И. Жинкину). Информационное поле ЧЭД адресанта формируется под влиянием таких факторов, как 1) концептосфера адресанта; 2) коммуникативно-прагматические установки адресанта; 3) представление адресанта о структуре и содержании концептосферы адресата.

Концептосфера адресата. Когнитивный блок А2. Взаимодействие концептосфер адресанта и адресата начинается уже на этапе формирования информационного поля ЧЭД А1. Процесс декодирования, т.е. формирование информационного поля ЧЭД А2, в свою очередь, опирается на содержание концептосферы А2 и на представления о концептосфере А1: *«На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день»*. Возможные результа-

ты декодирования сообщения: (А) они достаточно **состоятельные** люди; (Б) они **стали** состоятельными людьми; (В) они **гостеприимные** люди; (Г) к ним идут все знакомые, все знакомые проявляют **интерес / уважение** к ним; (Д) их дом / семья **выделяются** среди их общих знакомых, так (и это хорошо) не делает больше никто.

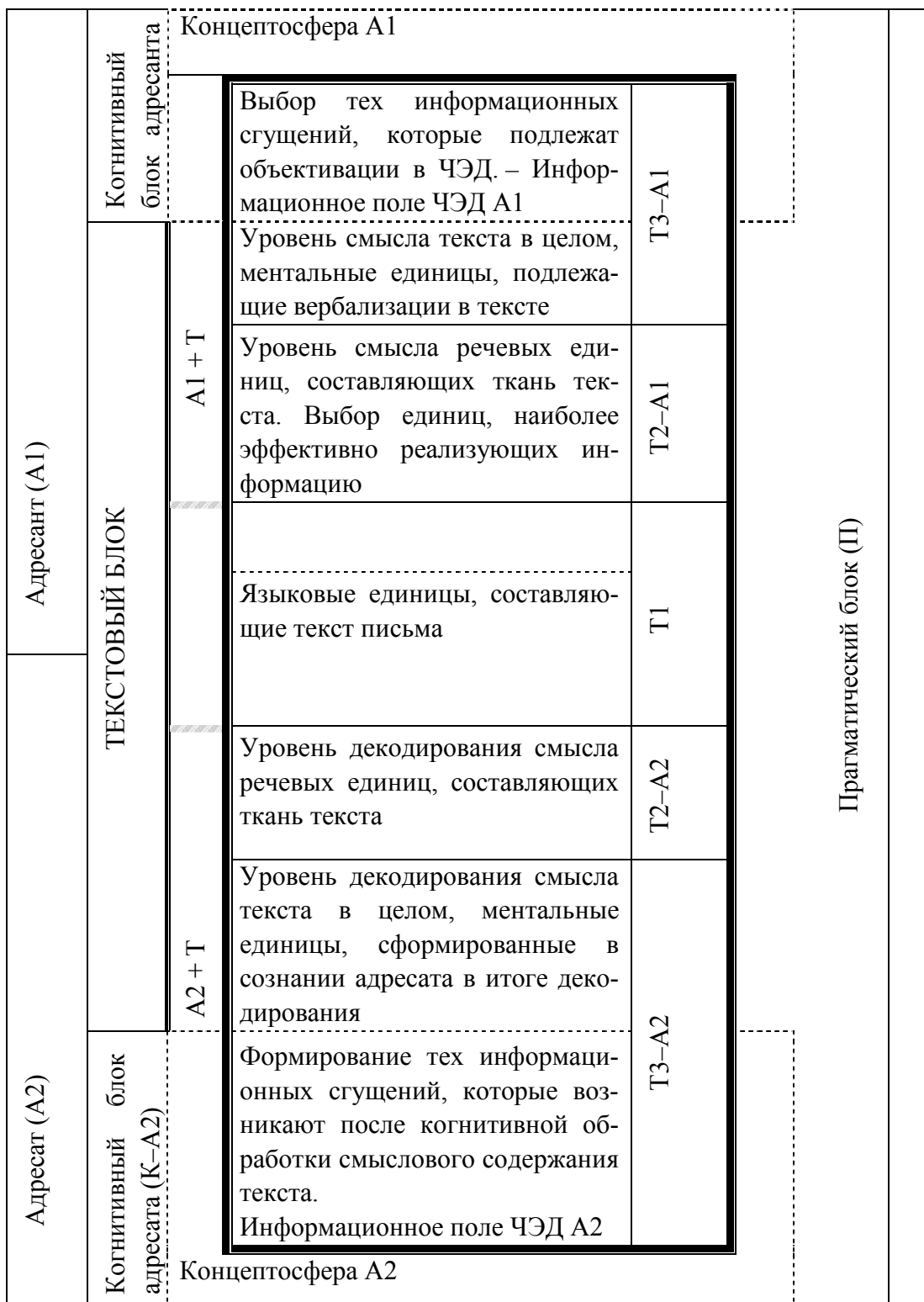

Рис. 1. Когнитивно-прагматическая модель ЧЭД

Роль адресата реализуется на всех уровнях когнитивно-прагматической модели ЧЭД: *«Вчера получила от вас маленькое письмо, но не знаю, почему, мне сдаётся, что оно писано не ко мне, хотя всё сказанное могло бы адресоваться и ко мне. Только оно больше похоже на продолжение разговора, которого явно я с вами не имела»* (А.А. Толстая). Что транслировать и какие средства при этом выбрать, решается с учётом содержания блока адресата – общих для коммуникантов фрагментов концептосфер, представлений адресанта о содержании концептосферы адресата, в том числе его интересов, и особенностях декодирования сообщений, – основанного на предшествующем коммуникативном опыте адресанта.

Прагматический блок имеет сферы сопряжения с когнитивными блоками А1 и А2 и текстовым блоком: *«Очень жаль, любезный друг Кюхельбекер, что моё письмо тебя рассердило: я писал к тебе с другою целью; но видно, что тут, как и во многих других обстоятельствах бывает, приходится каждому остаться при своём мнении»* (И.И. Пущин). «Ошибку» декодирования сообщения Пущин видит в том эмоциональном состоянии, в котором пребывает Кюхельбекер в момент чтения письма: *«Одним словом, письмо твоё пахнет хандрой»* (И.И. Пущин). Соответственно, это же эмоциональное состояние, по предположению Пущина, закодировано в письме Кюхельбекера: *«Ты видишь какие-то оттенки богатства, о которых я никогда не помышлял. Во всех положениях есть разница состояний, во всех положениях оно, может быть, имеет некоторые влияния на отношения, но в нашем исключительном положении это совсем не то»* (И.И. Пущин). Информация о степени состоятельности, закодированная в первом ЧЭД, декодируется, провоцируя некоторые негативные эмоции. В информационном поле А2 фиксируется эта эмоциональная информация.

Чем больше совпадающих элементов концептосферы адресата и адресанта, тем меньше преград на пути иллюкативных сил, транслирующих информационные сгущения из информационного поля адресанта в информационное поле адресата. Анализируя причины неудачного, по его мнению, коммуникативного акта, И.И. Пущин допускает изменения в концептосфере Кюхельбекера: *«Я привык тебя видеть поэтом не на бумаге, но и в делах твоих, в воззрениях на людей, где никогда не слышен был звук металла. Что с тобой сделалось?»* Выделены две функции прагматического блока в когнитивно-прагматической модели ЧЭД, который запускает 1) механизм трансляции информационных сгущений; 2) механизм контроля правильности высказывания, ориентированный на представления адресанта о составе концептосферы адресата, о тезаурусе его языковой личности, а также о возможном эффекте от декодирования транслируемого информационного сгущения.

Адресат декодирует смысл языковой единицы, постоянно соотнося полученную информацию, с одной стороны, со складывающимся общим смыс-

лом уже прочитанного текста, с другой – со своими представлениями о языковой личности адресанта.

ФЕ выступает в ЧЭД как код, средство кодирования информационного сгущения, являющегося частью информационного поля: *«Вчера же Бенкендорф выпил со мною на “ты”, и я согласился. Я знаю, наверное, что они меня любят, и что если я с ними не выпью, будет не хорошо»* (Кн. Иоанн Константинович). Важный фактор в процессе осмысления статуса адресанта в данном случае – целенаправленное воздействие на формирование чётких представлений о том, «каким надо быть», со стороны отца и старшего поколения императорской семьи: *«В прошлом году Ты мне выразил удивление, что я на “ты” с бывшими товарищами. Ты мне сказал, что говорил нам не пить на “ты”»* (Кн. Иоанн Константинович). ФЕ *пить на ты (с кем)* в значении ‘Устар. Старый застольный обычай, по которому двое пьют вино, взявшись об руку, и устанавливают этим взаимную дружбу и обращение на «ты»’ объективирует модель ситуации. В значении ФЕ зафиксировано, что эта ситуация – ‘обычай’. Модель ситуации отражает внешние атрибуты ([двое] + [пьют вино] + [взявшись об руку]) и символическое значение, а именно презентацию дружеских отношений, переход к обращению на «ты». В ЧЭД объективируются окказиональные смысловые наращения (эмотивно-оценочные окказиональные смыслы, дополняющие структуру сначала когнитивную, а затем семантическую), обусловленные синергетическим энергопотокотом ценностных установок, «статусных» стратегий поведения и т.д. Для Иоанна Константиновича это одни смыслы, для Константина Константиновича – другие, при этом первый старательно предпринимает попытки изменить состав когнитивной структуры, являющейся частью концептосферы адресанта, заменить те индивидуальные смысловые элементы модели ситуации, которые не «совпадают» с составом модели ситуации, имеющейся в концептосфере адресанта: *«Я знаю, что Ты боишься, что если я выпью с одним, то буду и со всеми. <...> Ты думаешь, что я не разбираюсь в людях»* (знание психологических особенностей адресанта) → *«Это было раньше»*; *«Я взвесил, что кто со мною пьёт»* (изменения в этих особенностях, в отношении к людям) и др. Таким образом, ФЕ является элементом текста ЧЭД, используемым адресантом для объективации информации с учётом её когнитивной структуры и её семантических связей в создаваемом речевом произведении.

Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической трансляции эмоциональной информации в ЧЭД – такие операции и процессы, которые в своей совокупности обеспечивают трансляцию эмоциональной информации из информационного поля концептосферы адресанта в информационное поле концептосферы адресата, что представляет собой сложный процесс: *«Пишешь, и выходит не то – да и как можно писавши передать целый внутренний мир, всё, что слагалось и разлагалось тысячу раз, и все бесчисленные нитки, которыми двигалась и ещё теперь двигается жизнь»* (А.А. Толстая).

*Мотивационные механизмы задают предпосылку коммуникативного события: «Получил ваше письмо, дорогой Пётр Галактионович, и сажусь отвечать, сам не зная, что напишу вам, но хочется высказать то сочувствие, которое вызвало во мне ваше письмо» (Л.Н. Толстой). Специфика реализации мотивационного механизма в ЧЭД – в стойкой внутренней, не формируемой извне, мотивации. Например, И.С. Аксаков, усердный в выполнении поручений по службе, принципиальный, честный, воспринимает предложение брата «продолжать её (службу. – К.Н.), чтоб со временем достигнуть возможности делать нужные перемены» (И.С. Аксаков) как эмоциогенный фактор: «Закабалить себя на 25 лет службы, чтоб на 26-й год проснуться, всё равно, что заложить на время душу чёрту, – плохое дело для души!» (И.С. Аксаков). Фразеологическую объективацию эмоциональной информации задают мотивационные механизмы. ФЕ *продать душу чёрту (дьяволу)* ‘Предосуд. По суеверным представлениям: отдавать свою душу дьяволу в обмен на какие-либо блага’ узуально неэмотивная, реализует контекстуальную эмотивность. На этапе формирования информационного сгущения, включающего эмоциональную информацию и подлежащего трансляции, могут быть созданы такие когнитивные структуры, которые соотносимы с когнитивными структурами ФЕ.*

Речевой механизм – устройство для осуществления процессов, связанных с речевой деятельностью, которая состоит из нескольких последовательных фаз (ориентировка, планирование, реализация плана, контроль) (по Л.С. Выготскому). Речевая деятельность включает *понимание* и *продуцирование*. Механизм кодирования, соотносимый с продуцированием речи, включает *прогнозирование* будущего речевого произведения: а) выбор языковых единиц, наиболее полно объективирующих запланированный для трансляции объём информации; б) учёт, т.е. проектирование, возможных семантических связей в процессе их взаимодействия, а также эмотивной функции в структуре высказывания: «*Прилагая при сём фельетон, рассказ и мелочишку...не знаю, что писать после деепричастия, не подберу никак главного предложения, хоть и литератор. Сейчас только поужинал, сел писать, разогнался и – стоп машина! А начинать снова письмо не хочется» (А.П. Чехов). На этом этапе выбор в пользу ФЕ может быть обусловлен тем, что её семантическая структура позволяет объективировать рациональную и эмоциональную информацию ёмко, вмещая максимум информации, что делает акт коммуникации более эффективным: «*Столица Осетии Микоян-Шахар, наверное, в честь Микояна! Это прямо поразительное зрелище. Строится он по плану <...>. Только страшно жаль, что довольно мертвая, казенная архитектура. Ведь здесь просто черт знает что можно изобразить и какой простор творчеству. В Москве конкурсы на здания библиотек и Госторга, а тут ведь город целый вновь возводится, а о конкурсе не слышно! Что бы сделать**

можно было, какая красота!» (М.В. Нечкина). Междометная ФЕ *черт знает что* – ‘Прост. Презр. Нечто невообразимое, несуразное’ – в комплексе с лексемой *жаль* транслирует эмоциональную информацию.

Механизмы контроля правильности высказывания связывают формирующийся элемент ЧЭД с представлениями об индивидуальной картине мира адресата и особенностях декодирования, полученными на основе предшествующего коммуникативного опыта адресанта.

Процесс *декодирования* (или *понимания*) – наименее исследованная область эпистолярия. Многоэтапный процесс понимания дискурса (А.В. Прохоров, О.В. Голубева, О.В. Нагель, Л.В. Воронина и др.) включает перцептивно-когнитивно-аффективную обработку полученной информации (А.А. Залевская): *«Искренность я слышу в вашем тоне, слышу, что вам не нужно было искать слов, и не могу вам передать, как это меня радует»* (Л.Н. Толстой). При этом вывод информации может быть основан не только на результатах логических операций индукции и дедукции, но и на актуализации другой, имплицитной информации, в том числе и объективируемой эмотивной ФЕ. *Инференция* – это мыслительная операция, выводящая языковую личность за пределы буквального значения языковых единиц, составляющих ткань текста как элемента ЧЭД, тем самым позволяющая вычленивть из декодируемого сообщения больше информации, чем объективирует каждая единица в отдельности (Е.С. Кубрякова), это операция обыденного сознания, которая базируется на догадке, формирующейся имеющимся опытом и интуицией человека (А.В. Прохоров).

Все эти механизмы базируются на механизмах *памяти* и *воображения*. Механизмы памяти участвуют в формировании информационного сгущения, подлежащего фразеологической трансляции в ЧЭД, в выборе языковых единиц и т.д.: *«Не забывайте также и Вашего друга Мирру Жибер. P.S. Пожалуйста, пришлите мне адрес Минского. А что же “Север”? Я так и не получаю ни одного номера»* (М.А. Лохвицкая). В P.S. включается объективация информации, которая была упущена на этапе формирования информационного сгущения. Механизмы воображения могут спровоцировать декодирование эмотивного смысла, объективирующего эмоцию иронии, даже если адресант не рассчитывает на это, не программирует это сознательно: *«В лесах иногда начинают расти холмы и в несколько лет вырастают большими. Деревья в этом месте, ранее росшие вполне правильно, наклоняются в разные стороны, словно валятся. Такой лес называют здесь “пьяным лесом”. Оказывается, если вскрыть такой холм, то внутри его образовался лед от поступавшей в него воды, и этот лед образовал как бы начинку холма»* (П.А. Флоренский). Каким бы богатым ни было воображение общающихся, они оперируют только элементами своего опыта и знания.

Также отмечена относительная одновременность механизмов кодирования: «*<Это я так думаю. Молитва нужна> Начал так. Хотел согласиться с вами; но, спросив себя поглубже, увидел, что нет. Для меня не так: молитва не есть только заглаживание своего разрыва с богом*» (Л.Н. Толстой). Специфика когнитивно-прагматических механизмов фразеологической объективации эмоций в особой направленности всех механизмов на конкретного адресата: «*Ефим! Дорогой мой! В Москву! 22 декабря выезжаю в Москву! Ты, разбив мою “Жар-птицу” (кажется, так?), думал убить и меня? Чёрта с два! Не запугаешь! Не на такого напал! Ты улыбаешься*» (Н.Н. Никандров). Речь идёт о тех процессах, о существовании которых мы можем сделать вывод, анализируя ЧЭД.

В главе 4 «**Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе**» описаны названные механизмы. Структурно-семантические трансформации (Е.И. Диброва, Ю.А. Гвоздарёв, И.Ю. Третьякова и др.), в том числе трансформации эпистолярной фразеологии (Ю.В. Архангельская, О.П. Фесенко), мы рассматриваем как стремление «подогнать» когнитивно-семантическую структуру не идеально подходящей для трансляции определённой когнитивной структуры ФЕ к задачам ЧЭД.

Адресант адаптирует когнитивно-семантическую структуру языковой ФЕ к той когнитивной структуре, которая подлежит объективации: «*О нашем “Словаре” имею тебе сказать следующее: Прейс и руками, и ногами, и жабрами противится исключению из нашего тройственного сотрудничества. Он обещался отдавать непременно переписывать листочки Голоф-тееву, который остался в Москве и удержал у себя мой “Словарь” к “Лаврентьевской” для образца*» (П.И. Бартенев). ФЕ *с руками и ногами* имеет значение ‘Разг. Экспрес. 1. Полностью, весь целиком. 2. С большим удовольствием, охотно’. В контекстуальном употреблении, которое демонстрирует структурно-семантическую трансформацию, а именно расширение компонентного состава, эмотивность достигается за счёт актуализации ассоциативно-образного компонента, коннотативный макрокомпонент включает ЭЖ, объективирующий эмоцию иронии, в структуру фразеологического значения не входящий.

Когнитивной основой структурно-семантических трансформаций ФЕ является такой когнитивный процесс, как *выдвижение*, «концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или “ключа”, в процессах языковой обработки информации»¹. Любое преобразование, как известно, «оживляет» языковую единицу. Иначе го-

¹ Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 21.

воря, выдвижение экспрессивного компонента фразеологической семантики сопровождается любой трансформационный процесс, а точнее – выдвижение любого другого элемента фразеологического значения.

Актуализация образной основы ФЕ достигается разными способами, такими, например, как приём буквализации, распространение компонентного состава ФЕ, использование этих приёмов в сочетании с другими приёмами трансформаций. Фразеологическая образность представляет собой свойство ФЕ вызывать в сознании человека ассоциативно-образные связи, «картинки». Когнитивная основа фразеологической образности заключается в том, что ФЕ «передает», транслирует «картинку» от адресанта к адресату: *«Вам, Наталья Дмитриевна, посылаю письмо Катерины Ивановны; вы тут найдете подробности о Лунине. Как водится, из мухи сделали слона, но каково Лунину et compagnie разъезжать на этом слоне...»* (И.И. Пущин). Как видим, распространение компонента *слона* актуализирует образные основы и ФЕ, и свободносинтаксического словосочетания – генотипа этой ФЕ. В ЧЭД роль образного компонента особая, так как адресат может представлять самого Лунина, что добавляет в смысловую структуру ФЕ индивидуальные смыслы, в том числе эмотивные. Значение узуальной ФЕ *делать из мухи слона* – ‘Разг. Экспрес. Неодобр. Сильно преувеличивать, придавать чему-либо незначительному, маловажному большое значение’. Трансформационные процессы коснулись не формальной структуры ФЕ, а семантической. При этом денотативные семы сохранили свои позиции в смысловой структуре речевой ФЕ. Актуализируются коннотативные образная и экспрессивная семы. Взаимодействие образной и экспрессивной сем в трансформационном процессе запускает механизм выдвижения эмотивной семы, объективирующей эмоцию иронии. Ср.: *«Как водится, [слухи сильно преувеличены + говорю это с неодобрением], но каково Лунину et compagnie [в этой ситуации + говорю это с иронией]...»*

Когнитивные основы *лаконизации* базируются на стремлении говорящего к экономии речевых средств за счёт «сгущения мысли» (по А.А. Потебне), «уплотнения» информации: *«Спешу ответить тебе, мой друг. Я вчера нарочно был у Плетнева, чтобы поразведать от него о Ж. Но он не получал от него новых известий, и потому я передаю тебе то, что знал от Плетнева прежде и чего не сообщал я тебе, не желая прежде огорчить, так как дело еще не шло»* (П.И. Бартнев). Сокращение компонентного состава ФЕ *дело идёт на лад / дело пошло на лад* в значении ‘Разг. Ладится, удаётся, получается что-либо’ как реализация механизма лаконизации обусловлено законом речевой экономии, с одной стороны, а с другой – ограничено требованием понятности передаваемого сообщения. Кроме сокращения компонентного состава ФЕ (усечения или эллипсиса), коммуникативное намерение лаконизации специфически реализуется в ЧЭД в таком приёме, как замена компонента ФЕ, на-

пример, *ставить / поставит крест* записывается как *поставит X*. Трансформации на основе лаконизации эффективны только при условии, что адресат успешно декодирует трансформированную единицу.

Осмыслена роль приёмов структурно-семантических трансформаций ФЕ в трансляции эмоциональной информации в ЧЭД в когнитивно-прагматическом аспекте. Так, когнитивный механизм двойной актуализации как приёма преобразования ФЕ заключается в одновременном наложении когнитивных структур ФЕ и лексических единиц, входящих в словосочетание-генотип ФЕ: «*В Вашем фельетоне о Толстом чувствуется что-то хорошее, но только чувствуется. Он должен быть переведён на ясный и простой язык, чтобы его все уразумели. Нельзя на 800 строках говорить загадками, какие бы чудесные отгадки за ними ни скрывались*» (А.С. Суворин). ФЕ *говорить загадками* имеет значение ‘Говорить намёками, обвиняками, недоговаривать’. Распространение компонента *загадками* двунаправленно. Во-первых, семантически связаны лексемы *загадка* в значении ‘Иносказательное изображение в короткой формуле предмета или явления, которые нужно угадать; выражение, требующее разгадки’ и *отгадка* в значении ‘Ответ, решение, раскрывающее тайну, загадку’, являющиеся антонимами. Во-вторых, личное местоимение (*за*) *ними* относится к лексеме *загадка*, заменяя её во второй части предложения.

Можно предположить, что, читая текст, адресат вначале воспринимает информацию, объективированную в первой части предложения, где ФЕ *говорить загадками* реализует фразеологическое значение, во второй же части сложного предложения находятся два распространителя компонента *загадка*, формирующие в восприятии адресата то самое наслаение семантических структур ФЕ. Подобная операция возможна благодаря тому, что ФЕ, подвергаясь двойной актуализации, имеет прозрачную внутреннюю форму. Стремясь подчеркнуть отсутствие негативных эмоций в транслируемой информации, адресант использует распространение компонентного состава, включая лексему, объективирующую положительную оценку.

Проанализированы такие приёмы, как распространение компонентного состава ФЕ, который имеет несколько иную природу и функции, чем взаимодействие ФЕ с другими единицами высказывания: «*Возьмитесь, Христа ради, спасти меня от такого душевного ада, который Вам и невообразим. Я, как Любим Торцов, прошу ведь честного куска хлеба... Помните, что самая деятельная полоса моей жизни был 1851 год “Москвитянина”, а тогда были у меня три места и уроки до 8 часов вечера! Не времени – а точки душевной опоры не доставало мне в последние года. Я запутался морально и запутался денежно*» (Ап. Григорьев). Распространению компонентного состава подвергается ФЕ *точка опоры* ‘Книжн. Что-либо являющееся исходной базой для каких-либо действий’: *опоры* (какой?) *душевной*. В комплексной

объективации отчаяния приём позволяет конкретизировать семантику эмоциогенного фактора. Лексема *честный* распространяет ФЕ *кусоч хлеба* в значении ‘Разг. Необходимое пропитание, средства существования’ как целостную единицу, а не какой-то отдельный компонент: «*Прошу ведь честных [средств существования]*». Обе ФЕ участвуют в объективации эмоционального состояния автора сообщения, испытывающего отчаяние.

Изучена проблема фразеологической вариативности, при которой также один компонент может быть заменён другим: «*Многие сердятся и предсказывают беды нашему просвещению, а я даже и не смеюсь. Все идет своим порядком*» (Н.М. Карамзин). В отличие от варианта ФЕ, единица, подвергшаяся преобразованию путём замены компонента или компонентов, имеет существенные семантические изменения: «*Главное – не надо утрачивать поэзию жизни: она меня до сих пор поддерживала, – горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении*» (И.И. Пущин). Лексемы *проза* и *поэзия* вступают в контекстуальные антонимические отношения, объективируя «низ» (бытовое, обыденное) и «верх» (духовное, творческое) в концептуальной картине целостного восприятия окружающей действительности адресанта. Смысловое наполнение используемой адресантом ФЕ включает мощные ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный слои, индивидуально значимые для адресанта и адресата.

Нечастотным, но специфическим явлением можно считать замену компонента ФЕ знаком, буквой: 1) «*Между тем пересматриваю ноты, и для меня скучные: каковы же будут для читателей? однако ж не имею духа **поставить X***» (Н.М. Карамзин). ФЕ *ставить / поставить крест* ‘Разг. Экспрес. 1. (на ком) Окончательно разуверившись в ком-либо, считать его непригодным в чём-либо, конченным, никчёмным; 2. (на чём) Признавать что-либо несостоятельным, пропавшим, бесперспективным’ в письме имеет вид *поставить X*. 2) «*С Галей и сестрой у меня большой разлад, поэтому если и писали Вы мне, не знаю **ни 000***» (С.А. Есенин); 3) «*Я оставил службу, потому что не могу служить, потому что служба убивает, потому что, наконец, я чувствую в себе силы делать на свете что-нибудь лучшее, чем вести настольные реестры, ибо оные суть **α и ω** службы и, может быть, очень полезны сами по себе, но только для этого полезного дела со временем изобретутся машины*» (Ап. Григорьев). ФЕ *альфа и омега* – ‘Книжн. 1. Начало и конец чего-либо. 2. Самое главное, основное в чём-либо. От названия первой и последней букв греческого алфавита’. Все эти случаи преобразования не являются примером структурно-семантического преобразования ФЕ путём замены компонента, так как в семантическую структуру не вносятся изменения, и не актуализируют эмотивную семантику.

Рассмотрены примеры замены компонента ФЕ, используемые для объективации эмоций: «*А если б я твоего увидел попка, то я обязательно наго-*

ворил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов **снять последний крест** с груди бедняка. Небойсь, где хочешь бери четвертак ему за молебен» (С.А. Есенин). Заменой компонента *рубашка* на компонент *крест* в ФЕ *снимать / снять <последнюю> рубашку* в значении 'Разг. Экспрес. Разорять, доводить до нищеты кого-либо' автор усиливает экспрессивный семантический признак единицы, актуализирует образный слой семантики, а эмотивные семы объективируют эмоции злости, негодования, возмущения.

Образование речевой ФЕ по модели узуальной проанализировано на примере ФЕ, генетически восходящей к паремии *Дурак на дураке едет, дураком погоняет*. Подробный анализ контекстуальных употреблений паремии, в том числе в преобразованном виде, а затем полученной усечением компонентного состава паремии ФЕ позволяет сделать вывод, что модель КТО НА КОМ продуцирует, как правило, негативные оценочные смыслы в семантической структуре ФЕ (*дурак на дураке, идиот на идиоте* и др.), однако ЧЭД демонстрирует реализацию и положительных эмотивно-оценочных смыслов: «*Нельзя хладнокровно смотреть на ее команду и офицеров. Все молодец на молодец. Зато они и по-царски награждены*» (Кн. Константин Николаевич). ФЕ объективирует эмоцию восхищения.

Эмотивный потенциал фразеомобразующей модели обнаруживается в употреблении ФЕ с затемнённой внутренней формой: «*Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь **фельдфебель на фельдфебеле**. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств*» (С.А. Есенин). Лексема *фельдфебель* – 'В дореволюционной русской и некоторых других армиях: звание старшего унтер-офицера, помощника командира роты по хозяйству и внутреннему распорядку, а также лицо, имеющее это звание' – реализует коннотации в семантике прилагательного *фельдфебельские (замашки)* в переносном значении 'грубые, самоуправные'. ФЕ *фельдфебель на фельдфебеле* в контексте реализует сему 'много' и, предположительно, сему отрицательной оценки, а также, основываясь на данных экстралингвистического характера, эмотивные семы, объективирующие эмоции недовольства, разочарования. По данным психолингвистического эксперимента, эмотивные смыслы в некоторых случаях были декодированы («раздражение», «гнев», «что-то отрицательное»), даже если значение лексемы *фельдфебель* участникам было не известно.

Проблема соотнесённости особенностей эмоциональной сферы личности и эмотивности речевых произведений языковой личности освещена на примере эпистолярной фразеологии Л.Н. Толстого, величайшего мыслителя и художника слова, имеющего свой оригинальный подход к ресурсам языка, продемонстрировавшего владение языковыми фразеологическими ресурсами, умение использовать трансформационный потенциал знаков косвенно-производной номинации и закономерности окказионального фразеомобразования (Ю.В. Архангельская).

В реализации эмотивной функции ФЕ в ЧЭД Л.Н. Толстой использует и узуально, и потенциально эмотивные ФЕ. Исследована роль языковой личности в трансформационных процессах фразеоминимации, выполняющей эмотивную функцию: «Занят же я был, во-первых, делами, во-вторых, школой, которую надо было с самого начала **поставить на новую, лучшую ногу**, в 3-х, меня назначили мировым посредником, и я не почёл вправе отказаться. Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю, хорошо или дурно, но усердно и упорно намерен **тянуть**, насколько хватит жизни и силы. Так что **надевать пятый хомут** – брачный, я надеюсь, и не почувствую необходимость. Москву в этом отношении я проехал благополучно. Прекрасная девушка К. – слишком **оранжерейное растение**, слишком воспитана на “безобязательном наслаждении”, чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла **печь моральные конфетки**, а я возжусь с землёй, с навозом. Ей то грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали **моральные конфетки**. – А за что Вы хотите, чтоб когда-нибудь я стал **отрезанный ломоть** – это я не знаю» (Л.Н. Толстой). ФЕ с компонентом хомут подвергается сложнейшей структурно-семантической трансформации. Лексема хомут в значении ‘1. Часть упряжки – надеваемый на шею лошади округлый деревянный остов с мягким валиком на внутренней стороне’ входит в процесс фразеомообразовательной комбинаторики продуцируемыми денотатом ассоциативно-образными смыслами: ‘Надеть на себя или повесить себе на шею хомут (переносно о какой-либо обузе; разг.)’. Включение зависимых слов конкретизирует семантику лексемы, употреблённой в переносном значении: «Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйствен[ую], 2) школьн[ую], 3) журнальн[ую] и 4) посредническ[ую] обузу, которые, не знаю, хорошо или дурно, но усердно и упорно намерен **тянуть**, насколько хватит жизни и силы».

Расширение компонентного состава ФЕ **надевать хомут** – ‘Разг. Ирон. Непомерно обременять себя чем-либо (о крайне тягостной обузе)’ – позволяет передать фрагмент рациональной информации, актуализировать ассоциативно-образные смыслы и усилить позицию объективирующего в данном случае эмоцию иронии ЭК, наличие которого зафиксировано лексикографически. Двойное распространение компонента хомут вводит в семантику высказывания главную информацию: «Так что **надевать** <...> **хомут** – <...> я надеюсь, и не почувствую необходимость». Распространением компонента хомут (какой?) **пятый** реализуется соотнесение объективируемой информации с предыдущей, а введение второго зависимого слова хомут (какой?) **брачный** позволяет передать основную информацию, ради которой и создаётся данный фрагмент ЧЭД.

ЧЭД создаётся и функционирует не изолированно, и это нечто, стоящее «за» дискурсом, включает в себя ЧЭД, определяет его структуру и особенности, оказывает влияние на все элементы и процессы ЧЭД. Эта мысль получила развитие в главе 5 «**Интердискурсивные факторы когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации посредством фразеологических единиц в частном эпистолярном дискурсе**», так как наиболее оптимально объём представлений о феномене «внешнего», стоящего «за» дискурсом, передаёт введённый представителями французской школы анализа дискурса термин *интердискурс*. В ходе исследования роль этих «внешних» факторов невольно учитывалась, так как сознание участников ЧЭД так или иначе отражает векторы лингвокультуры, в которой они существуют. В этом, наверное, основная ценность ЧЭД как документа культуры, а с позиций лингвистики – и лингвокультуры. Задаёт производство ЧЭД, формирует некоторые «ограничения» то, что не относится к области языка, что можно назвать социально-исторической тканью действительности.

Анализ материала показал, что наиболее ярко роль интердискурса в формировании ЧЭД и механизмах трансляции эмоциональной информации обнаруживается в письмах с фронта на материале писем со Сталинградского фронта. Существенно трансформирован признак «приватность». Отмечено также огромное эмоциональное значение писем с фронта для обеих сторон эпистолярной коммуникации. *«Порой письма писались перед боем, и в них мы можем прочесть последние прощальные слова»* (Фронтовые письма): *«Мама, я бы написал больше, да моё сердце боль[ше] не переваривает мои прохождения»* (Солдат Ефим). Оказиональная ФЕ *сердце не переваривает прохождения* объективирует тяжёлое эмоциональное состояние. С помощью писем осуществлялась эмоциональная поддержка: *«Ввиду того, что у него нет родных, то он сильно желает разыскать своих товарищей по детдому и вести переписку с ними. Писать писем ему некому, поэтому очень прошу сообщить нам, куда эвакуирован детдом»* (Ф.М. Кузичкин).

Особое внимание уделено влиянию интердискурсивных факторов на когнитивно-прагматические механизмы объективации эмоций посредством ФЕ. Выявлена тенденция к буквализации ФЕ *жив и здоров*: *«Мама, я жив и здоров и того вам желаю»*; *«Прежде всего сообщаю, что я жив и здоров и невредимо закончил свою последнюю операцию по разгрому гитлеровской своры»*; *«Жив, но не здоров»*. Обнаружено выдвижение индивидуально-смыслового ЭК, обусловленного интердискурсивными факторами: *«И лепёшки пекли, и пирожки с рисом, да такие, что пальчики облизывали от удовольствия»* (Ю.Н. Липкин), которые задают декодирование дополнительных эмотивных смыслов. ФЕ *пальчики оближешь* – ‘Разг. Экспрес. 1. Очень вкусен. 2. Очень красив, привлекателен, прекрасен’ становится эмоциогенной единицей. Сделан вывод о том, что влиянию интердискурсивных факто-

ров подвергаются и характеристики ЧЭД, и механизмы объективации эмоций, в том числе с помощью ФЕ.

Анализируется роль интердискурса в когнитивно-прагматических механизмах трансляции эмоциональной информации в ЧЭД на примере эпистолярия М.О. Меньшикова. Исторические события находят отражение в его эпистолярной фразеологии: *«Спасибо за газеты, дорогая О.А., но ещё лучше, если бы Вы сообщили самые последние новости из газет. Мы не получаем несколько дней никаких изданий – ни Пб., ни Московских, – очевидно, они запрещены. Дожили, стало быть, до железной диктатуры, то есть до настоящего, не призрачного самодержавия»*. Значение ФЕ *железная диктатура* ‘Настоящее, не призрачное самодержавие’ обростаёт дополнительным смысловым объёмом, появляется эмосема ‘Ирония’.

Эмоциональная сфера языковой личности Меньшикова раскрывается в особенностях использования ФЕ и тех эмоциях, которые подвергаются объективации в ЧЭД: *«Истинное удовольствие доставили Вы мне, дорогой Вас. Вас., Вашим журнальчиком, как доказательством того, что Вы еще живы, хотя и отнесло Вас бурей вон куда! Жив, курилка! От всего сердца желаю Вам – как и себе – спастись среди этой чисто апокалиптической катастрофы. Прочел оба № с тем большей жадностью, что сам мечтал издавать подобный же “журнальчик с пальчик”, но как бывший моряк, чувствую, что момент подходит надевать чистую рубаху (спросите моряков, что это значит)»*. ФЕ *от всего сердца* в значении ‘Разг. экспрес. совершенно искренне, горячо и непосредственно, о проявлении чувств’ позволяет автору передать эмоциональный настрой в момент написания письма. ФЕ *жив курилка* ‘Шутл. кто-либо, о ком стали забывать, живёт и действует, проявляет свои возможности в чём-либо’ объективирует иронию. Созданная автором единица *журнальчик с пальчик* является результатом преобразования ФЕ *мальчик-с-пальчик* ‘1. Персонаж народных сказок – крошечный мальчик, действующий весьма умно и с большой находчивостью; 2. Разг. экспрес. о человеке невысокого роста или малолетнем’. В механизме преобразования когнитивно-семантической структуры ФЕ участвуют семы ‘Крошечный’, ‘Маленький’, ‘Действующий умно и с находчивостью’, компонентный анализ *журнальчик с пальчик* выявляет соответствующие семы в структуре единицы *с пальчик*, кроме того, выделяется эмосема ‘Ирония’. Компоненты анализируемого сочетания лексем не образуют единого значения: *журнальчик* – ‘Маленький журнал’, *с пальчик* – ‘Маленький, действующий весьма умно и с большой находчивостью’, а потому единица не является фразеологической, хотя в авторском употреблении устойчива: *«Но “журнальчик-с-пальчик” расшевелил всё-таки мою инертность. Ведь и я мечтаю об этом! Но я трезвее В.В. и на явную неудачу идти не хочу»* (М.О. Меньшиков). ФЕ *надевать чистую рубаху*, имеющая генетическую связь с традициями и приметами мо-

ряков, реализует смысловую структуру 'Готовиться к бою'. М.О. Меньшиков активно использует эмотивный потенциал фразеологии: «Я убедился ещё раз, проштудировав с детьми несколько азбук, до чего Россия сгнила. <...> И крестьянских и некрестьянских детишек спешат набивать, как чучела, трухой из простонародного юмора, **цена** которому **грош**», где ФЕ **грош цена** имеет значение 'Прост. Пренебр. никуда не годится, ничего не стоит'.

В сентябре 1918 г. М.О. Меньшиков арестован. В группе корреспонденции, адресованной жене и детям, частотно использование ФЕ с компонентом **Бог (Христос)**: «**Ради Бога**, если есть какая-нибудь возможность, дай знать о себе хотя бы на словах»; «Заверни провизию чистой бумагой, чтобы писать можно. **Ради Бога** успокойся: расстрела немедленного не будет, по видимому»; «**Ради Бога**, не посылай мне ничего вкусного – знаю, чего стоит и как вам приходится обрывать себя во всём»; «Если же дело затянется, и я останусь здесь, **ради Бога** не присылай так много еды и такой хорошей» и др. ФЕ **ради Бога** и **Христа ради** синонимичны, реализуя значение 'Разг. Пожалуйста'. Дискурсивная основа фразеопотребления актуализирует внутреннюю форму ФЕ: «Пусть не забывают **Бога** и не изменяют совести своей <...> Милая Манюша, прости меня, **ради Бога**, что неволью заставил пережить тебя тяжёлые страдания, которые ты теперь переживаешь. Прошу прощения и у милых моих детей. Родные мои, прощайте. Ещё не вполне потеряна надежда, что мы увидимся, но если **даст** мне **Господь** этого великого счастья, то что же делать».

Активно используются ФЕ, семантика которых подчёркивает искренность эмоционального состояния адресанта: «Видел я вас, милые, из окна, и **на душе** легче»; «Дорогая, бесценная моя Манюшка. Пишу утром, 6-й день заключения. Пока **жив и здоров**, но тяжело **на сердце**» и др. Сами по себе ФЕ в значении **на душе** 'В мыслях и в настроении у кого-либо' и ФЕ **на сердце** в значении 'Разг. Экспрес. Кто-либо испытывает какие-либо чувства, переживания' не являются эмотивными, но акцентируют внимание на глубине переживаемых эмоций, особенной искренности.

Буквализация как приём реализации смысловой структуры ФЕ наглядно представлена употреблением ФЕ **жив и здоров** – 'Разг. о том, кто находится в благополучном состоянии, в целостности и невредимости': «Пока **жив и здоров**» и «...пока **жив и сравнительно здоров**...». Чёткая граница в языковом оформлении писем периода «до» и «после ареста» обнаруживает роль интердискурса в организации ЧЭД в целом и в выборе языковых единиц для трансляции эмоциональной информации.

Идеи диссертационного исследования нашли лексикографическое отражение в «Словаре эпистолярной фразеологии С.А. Есенина». По принципу полноты охвата иллюстративного материала выбраны 171 ФЕ, составляющие 2 группы: 1) узуальные ФЕ; 2) неuzuальные, т.е. не зафиксированные в сло-

варях. Среди ФЕ второй группы выделяются следующие ФЕ: а) воспроизводимость которых обнаружена в художественной и публицистической литературе; б) речевые, т.е. преобразованные, подвергшиеся структурно-семантическим преобразованиям; в) окказиональные, т.е. созданные автором. Включена и эпистолярная паремиология С.А. Есенина.

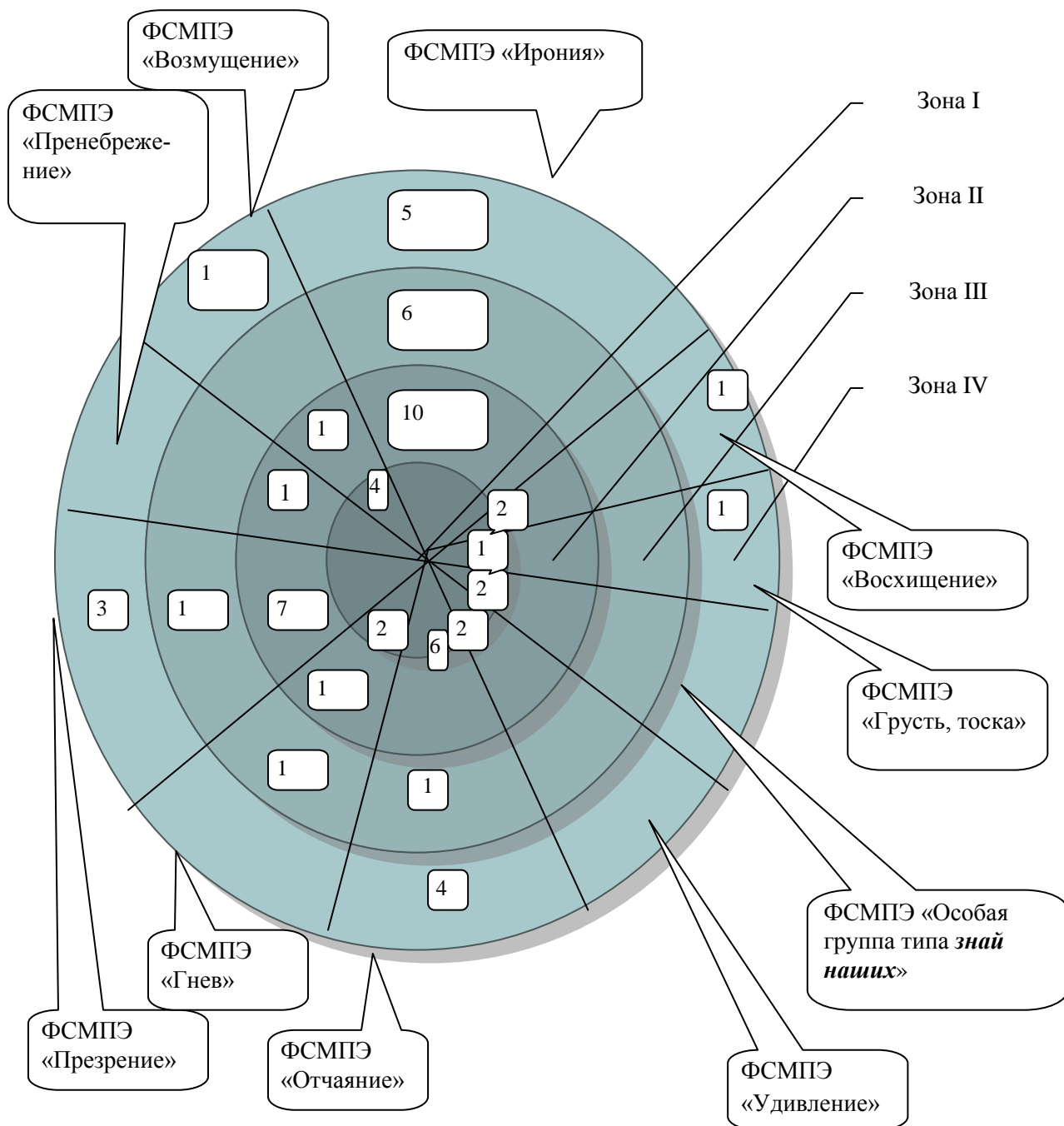

Рис. 2. Фразеосемантическое поле «Эмоции»:

ФСПЭ I – фразеосемантическое поле «Эмоции»; ФСМПЭ – фразеосемантическое микрополе конкретной эмоции; зона ФСПЭ I – ФЕ с ЭК в ядре фразеологического значения; зона ФСПЭ II – ФЕ, в структуре значения которых есть ЭК, но он не является ядерным, а «сопровождает» денотативную семантику; зона III – ФЕ, реализующие потенциальную эмотивность в данном конкретном контексте; зона ФСПЭ IV – ФЕ, которые, сами не являясь собственно эмотивными, участвуют в объективации эмоций

Даётся описание структуры словарной статьи, содержащей заголовков, зону стилистических помет, зону значения или смысловой структуры единицы, иллюстративную зону, включающую все фразеологические употребления данной ФЕ, и зону комментария. Принцип многоаспектности анализа ФЕ позволил представить в словарной статье стилистические характеристики ФЕ, неузуальные смысловые элементы, статус ЭК. Принцип максимальной представленности дискурсивного фона фразеологического употребления обусловил содержание зоны комментария, информирующего о фактах использования данной ФЕ С.А. Есениным, о происхождении окказиональных, преобразованных ФЕ, что привносит в словарь энциклопедический компонент.

Анализ эмотивной семантики каждой ФЕ позволил указать в словарной статье к ней статус ЭК в её смысловой структуре, а также продемонстрировать фразеосемантическое поле «Эмоции» (см. рис. 2 на с. 33): из общего количества эпистолярных ФЕ 63 единицы (35%) участвуют в объективации эмоций: иронии – 21 ФЕ (34% от количества эмотивных ФЕ и 12% от общего количества эпистолярных ФЕ), отчаяния – 11 (18 и 6% соответственно), презрения – 11 (18 и 6% соответственно), возмущения – 6 (10 и 3%), гнева – 4 (6 и 2%), восхищения – 3 (5 и 1,7%), удивления – 2 (3 и 1%), особая группа ФЕ, синонимичных ФЕ *знай наших* в её эмотивной функции – 2 (3 и 1%), грусти – 2 (3 и 1%), пренебрежения – 1 (1,6 и 0,5%).

Антропоцентрический подход к анализируемому материалу акцентирует внимание на психолингвистическом аспекте языковой личности и позволяет отразить особенности фразеологического употребления, дискурсивные и интердискурсивные факторы фразеологической семантики, продемонстрировать специфику фразеологической объективации эмоций в ЧЭД отдельной языковой личности.

В заключении представлены основные выводы и намечены перспективы исследования, которые мы связываем с изучением механизмов инференции, наименее исследованной областью дискурсивно обусловленной фразеологической эмотивной семантики, а также с развитием авторской фразеологии.

Список литературы включает основную научную литературу, словари и справочники, а также источники. Диссертация имеет три **приложения**. Приложение 1 содержит список ФЕ, вошедших в «Словарь эпистолярной фразеологии С.А. Есенина», приложение 2 – список эпистолярной паремииологии, приложение 3 представляет собой словарь эмотивной фразеологии С.А. Есенина.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии, словарь

1. Калёнова, Н.А. Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологического значения в эпистолярном дискурсе / Н.А. Калёнова // Смысловая презентация языковой картины мира: монография / под ред.

Л.Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2014. – С. 187–224 (2,2 п.л.).

2. Калёнова, Н.А. Эмотивная фразеология в частном эпистолярном дискурсе: монография / Н.А. Калёнова. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015. – 260 с. (11,6 п.л.).

3. Калёнова, Н.А. Словарь эпистолярной фразеологии С.А. Есенина / Н.А. Калёнова. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015. – 134 с. (4,8 п.л.).

*Научные статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

4. Калёнова, Н.А. Астрахань в письмах разных лет: опыт концептуального анализа / Н.А. Калёнова, Л.Г.Золотых // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2011. – С. 106–114 (0,7 п.л.).

5. Калёнова, Н.А. «Расти большая. Твой С. Есенин»: фразеологический смысл в источниках личного происхождения / Н.А. Калёнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7 (18): в 2 ч. Ч. II. – С. 89–92 (0,4 п.л.).

6. Калёнова, Н.А. Философские грани эпистолярной коммуникации: к лингво-когнитивному изучению частного письма / Н.А. Калёнова // Вестник ЧГУ. – 2012. – № 3. – Т. 1. – С. 69–72 (0,4 п.л.).

7. Калёнова, Н.А. Доха, кочма и картошка: когнитивно-прагматический код эпистолярного дискурса / Н.А. Калёнова // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 4. – С. 44–49 (0,3 п.л.).

8. Калёнова, Н.А. Приём замены компонента фразеологической единицы в эпистолярной / Н.А. Калёнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (23): в 2 ч. Ч. I. – С. 67–70 (0,45 п.л.).

9. Калёнова, Н.А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике / Н.А. Калёнова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филол. науки. – 2013. – № 1. – С. 80–87 (0,5 п.л.).

10. Калёнова, Н.А. Образ заграницы в письмах С.А. Есенина: языковой аспект / Н.А. Калёнова // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 80–87 (0,7 п.л.).

11. Калёнова, Н.А. Паралингвистические средства эпистолярной коммуникации: когнитивно-прагматический подход / Н.А. Калёнова // Известия СГУ. – 2013. – № 3 (26). – 214–217 (0,3 п.л.).

12. Калёнова, Н.А. Особенности смысловой репрезентации фразеологических единиц в текстах личных писем (на примере эпистолярия М.О. Меньшикова) / Н.А. Калёнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – С. 96–106 (0,6 п.л.).

13. Калёнова, Н.А. Сегментация паремий в источниках личного происхождения (когнитивно-прагматический анализ) / Н.А. Калёнова // Вестник НГПУ им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 70–73 (0,35 п.л.).

14. Калёнова, Н.А. Когнитивно-прагматическая модель эпистолярного дискурса (на материале частных писем) / Н.А. Калёнова // Когнитивные исследования языка / Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов, 2014. – № 18. – С. 618–621 (0,13 п.л.).

15. Калёнова, Н.А. Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярия С.А. Есенина) / Н.А. Калёнова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 10. – С. 68–75 (0,76 п.л.).

16. Калёнова, Н.А. Коннотативная семантика фразеологической единицы *целовать подмётки (кому)* / Н.А. Калёнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5. – Ч. 2. – С. 71–73 (0,3 п.л.).

17. Калёнова, Н.А. Приватность частного письма и возможность его опубликования: правовой и этический аспекты проблемы / Н.А. Калёнова // Филология и человек. – 2015. – № 2. – С. 18–29 (0,72 п.л.).

18. Калёнова, Н.А. Когнитивные механизмы семантических трансформаций фразеологических единиц (на материале эпистолярия) / Н.А. Калёнова // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 6. – С. 90–95 (0,6 п.л.).

19. Калёнова, Н.А. Способы фразеологической объективации эмоциональной информации в частном письме (на материале эпистолярия М.Е. Салтыкова-Щедрина) / Н.А. Калёнова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 5. – С. 184 – 190 (0,64 п.л.).

*Статьи в сборниках научных трудов, материалов
научных конференций и других изданиях*

20. Калёнова, Н.А. Фразеологическая репрезентация концепта ДУША в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя / Н.А. Калёнова // Фразеология, познание, культура: сб. докл.: в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. – С. 223 – 227 (0,35 п.л.).

21. Калёнова, Н.А. К вопросу о метаязыке лингвосинергетических исследований русской фраземики / Н.А. Калёнова // Шестые Курдюмовские чтения / отв. ред. Г.П. Лапина, Ю.В. Козловская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – С. 348–352 (0,26 п.л.).

22. Калёнова, Н.А. Когнитивные процессы кодирования и декодирования эмоционального содержания фразеологической единицы (на примере функционирования фразеологической единицы *неумытое рыло* в переписке Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского) / Н.А. Калёнова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 132–136 (0,3 п.л.).

23. Калёнова, Н.А. Идиоматика эпистолярных текстов В.К. Третьяковского / Н.А. Калёнова // Анализ и интерпретация художественного текста: материалы XXXII зональной конф. литературоведов Поволжья / науч. ред. Г.Г. Глинин. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. – С. 123–126 (0,4 п.л.).

24. Калёнова, Н.А. Фразеологическая реализация коммуникативных установок адресанта в эпистолярном дискурсе (на примере писем А.Ф. Писемского) / Н.А. Калёнова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 12. – М.–Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – С. 231–237 (0,38 п.л.).

25. Калёнова, Н.А. Роль оценочного и эмотивного компонентов фразеологического значения в реализации прагматических установок эпистолярного дискурса (на примере писем Н.И. Сперанского) / Н.А. Калёнова // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации / под ред. Е.П. Сосниной. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – С. 138–143 (0,36 п.л.).

26. Калёнова, Н.А. Разговорная и просторечная фразеология в эпистолярных текстах: лингвометодический аспект преподавания РКИ / Н.А. Калёнова // Проблемы теории и методики преподавания русского языка как неродного в современных условиях. – Махачкала: ДГПУ, 2010. – С. 75–76 (0,14 п.л.).

27. Калёнова, Н.А. Внутренняя форма индивидуально-авторских фразеологических единиц (на материале эпистолярного дискурса) / Н.А. Калёнова // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской / отв. ред. Н.Б. Усачёва. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. – С. 141–144 (0,2 п.л.).

28. Калёнова, Н.А. «Жив и пока ещё здоров»: авторские преобразования фразеологизмов в эпистолярном дискурсе как реализация структуры языковой личности / Н.А. Калёнова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Вып. 15 / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010. – С. 71–78 (0,46 п.л.).

29. Калёнова, Н.А. Экспрессивность фразеологических единиц в когнитивно-коммуникативном аспекте (на материале текстов личных писем) / Н.А. Калёнова // Современная филология в международном пространстве языка и культуры / сост. М.Л. Хохлина. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2011. – С. 26–28 (0,2 п.л.).

30. Калёнова, Н.А. Письма как документы личного происхождения: источниковедческий аспект лингвистического исследования / Н.А. Калёнова // Документ как текст культуры. – Тула: Арт-Принт, 2011. – С. 35–38 (0,2 п.л.).

31. Калёнова, Н.А. Эпистолярная фразеология в преподавании русского языка как иностранного / Н.А. Калёнова // Русская речь в инонациональном окружении / отв. ред. Т.С. Есенова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2011. – С. 131–138 (0,5 п.л.).

32. Калёнова, Н.А. Эпистолярный дискурс как источник когнитивно-коммуникативных исследований русской фраземики / Н.А. Калёнова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 250–255 (0,3 п.л.).

33. Калёнова, Н.А. Роль фразеологических единиц в реализации коммуникативного замысла: когнитивно-прагматический аспект (на материале писем Н.Н. Никандрова Е.Л. Янтарёву) / Н.А. Калёнова // Языковые единицы: структура, семантика, функционирование / отв. ред. Л.Н. Костякова. – Коломна: МГОСГИ, 2011. – С. 63–74 (0,66 п.л.).

34. Калёнова, Н.А. Адресат и адресант эпистолярной коммуникации в лингво-философском аспекте / Н.А. Калёнова // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: в 2 т. / отв. ред. В.Р. Тимирханов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – Т. 1. – С. 56–63 (0,44 п.л.).

35. Калёнова, Н.А. Частное письмо в координатах повседневности / Н.А. Калёнова // Перспективы развития современной филологии. – Петрозаводск: Петро-Пресс, 2012. – С. 13–19 (0,13 п.л.).

36. Калёнова, Н.А. Частное письмо – застывшее в веках живое слово (на материале источников личного происхождения М.О. Меньшикова и М.В. Меньшиковой) / Н.А. Калёнова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 42–48 (0,32 п.л.).

37. Калёнова, Н.А. Эпистолярная фразеология как объект лингвосинергетики / Н.А. Калёнова // Восьмые Курдюмовские чтения / отв. за вып. Г.П. Лапина, Ю.В. Козловская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 266–269 (0,18 п.л.).

38. Калёнова, Н.А. Проблемы преподавания фразеологии иностранным студентам технического вуза / Н.А. Калёнова // Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира / отв. ред. Р.Ш. Халидова. – Махачкала: ДГПУ, 2012. – С. 75–77 (0,14 п.л.).
39. Калёнова, Н.А. К проблеме изучения фразеологии в нефилологическом вузе / Н.А. Калёнова // Актуальные проблемы современного образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения / под общ. ред. И.Ю. Мигдаль. – Коломна: МГОСГИ, 2012. – С. 154–158 (0,23 п.л.).
40. Калёнова, Н.А. Письма как свидетельства эпохи (лексико-фразеологическая объективация знаков времени в эпистолярной литературе) / Н.А. Калёнова // Славянское культурное пространство / науч. ред. В.А. Степаненко. – М.: Про100 Медиа, 2012. – С. 19–22 (0,24 п.л.).
41. Калёнова, Н.А. Текстология частного письма / Н.А. Калёнова // Текст как единица филологической интерпретации / отв. ред. А.А. Куруленок. – Новосибирск: Немо Пресс, 2012. – С. 96–101 (0,34 п.л.).
42. Калёнова, Н.А. Когнитивные основы прагматической функции фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе / Н.А. Калёнова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: в 2 т. / отв. ред. Л.А. Нефёдова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. – Т. 2. – С. 144–148 (0,49 п.л.).
43. Калёнова, Н.А. Уровень владения фразеологическими ресурсами языка как проблема культуры речи современного студента нефилологического вуза / Н.А. Калёнова // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей словесников / ред. кол.: проф. О.В. Загорюшкова [и др.]. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 280–282 (0,23 п.л.).
44. Калёнова, Н.А. Частное письмо как поле смысловой реализации фразеологического значения / Н.А. Калёнова // Вестник СПИ. Гуманитарные и естественные науки. – Дербент, 2012. – № 2 (5). – С. 36–40 (0,36 п.л.).
45. Калёнова, Н.А. Утро вечера мудренее: текстообразующая функция пословицы в эпистолярном и песенно-поэтическом дискурсе В.С. Высоцкого / Н.А. Калёнова // Язык и культура / под общ. ред. С.Г. Проскурина. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – С. 69–74 (0,27 п.л.).
46. Калёнова, Н.А. Фразеологические единицы как средство реализации коммуникативных стратегий адресанта эпистолярной литературы / Н.А. Калёнова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. – Вып. 17. – С. 38–45 (0,5 п.л.).
47. Калёнова, Н.А. Язык личного письма (на примере писем В.С. Норова 1812–1813 гг. родителям) / Н.А. Калёнова // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 г. / отв. ред. С.В. Денисенко. – СПб. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2012. – С. 82–89 (0,38 п.л.).
48. Калёнова, Н.А. Расширение компонентного состава фразеологической единицы в эпистолярном дискурсе В.С. Высоцкого / Н.А. Калёнова // Труды молодых ученых ВГУ. – 2012. – Вып. 1–2. – С. 114–118 (0,45 п.л.).
49. Калёнова, Н.А. Взаимодействие фраземики с другими элементами эпистолярного дискурса в репрезентации внешнего и внутреннего мира человека / Н.А. Калёнова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – С. 424–427 (0,33 п.л.).

50. Калёнова, Н.А. Лингводидактический потенциал личных писем (на примере эпистолярия Сталинградской битвы) / Н.А. Калёнова // Сталинградская гвоздика / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2013. – С. 156–160 (0,25 п.л.).
51. Калёнова, Н.А. Образ провинции в эпистолярной И.С. Аксакова (на материале писем родным из Ярославля) / Н.А. Калёнова // VI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: в 2 ч. / сост. Л.Н. Лазарева. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2013. – Ч. I. – С. 133–136 (0,23 п.л.).
52. Калёнова, Н.А. Индивидуально-личностные смыслы в смысловой структуре фраземы в эпистолярной / Н.А. Калёнова // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: в 2 ч. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 92–95 (0,22 п.л.).
53. Калёнова, Н.А. Фразеологическая единица в эпистолярном дискурсе / Н.А. Калёнова // Русское слово в контексте этнокультуры XX– XXI вв. – Старый Оскол: Изд-во «Роса», 2013. – С. 168–173 (0,33 п.л.).
54. Калёнова, Н.А. Роль структурно-семантических трансформаций в актуализации фразеологической экспрессивности (на примере эпистолярной) / Н.А. Калёнова // Современная филология в международном пространстве языка и культуры / сост. М.Л. Лаптева. – Астрахань: ИД «Астраханский ун-т», 2013. – С. 38–40 (0,2 п.л.).
55. Калёнова, Н.А. К вопросу о семантической категории интенсивности (на материале писем К.Г. Паустовского) / Н.А. Калёнова // Исследования по семантике. Вып. 25 / отв. ред. В.Р. Тимирханов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 251–259 (0,5 п.л.).
56. Калёнова, Н.А. Лингвокогнитивные основы объективации эмоциональной информации в эпистолярном дискурсе (на материале писем со Сталинградского фронта) / Н.А. Калёнова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования / сост. Е.В. Брыкина, В.И. Супрун. – М.–Волгоград: Про100 Медиа, 2013. – С. 114–118 (0,32 п.л.).
57. Калёнова, Н.А. Фразеологическая единица в эпистолярном дискурсе: когнитивно-прагматический аспект / Н.А. Калёнова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск: Энциклопедия, 2014. – С. 74–78 (0,4 п.л.).
58. Калёнова, Н.А. Проблема эмотивной компетенции студентов (анализ результатов эксперимента) / Н.А. Калёнова // Высшая школа. – 2015. – № 1. – С. 49–50 (0,22 п.л.).
59. Калёнова, Н.А. Стилистические характеристики эпистолярной фразеологии С.А. Есенина / Н.А. Калёнова // Апробация. – 2015. – № 1. – С. 51–53 (0,27 п.л.).
60. Калёнова, Н.А. Эпистолярный как источник лингвокультурологических исследований русской фразеологии / Н.А. Калёнова // Русское слово. Вып. 4 / под ред. Е.И. Алещенко. – Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2015. – С. 319–325 (0,3 п.л.).
61. Калёнова, Н.А. Эпистолярная фразеология С.А. Есенина: опыт словаря / Н.А. Калёнова // Устойчивые фразы в парадигмах науки. – Тула: С-принт, 2015. – С. 433–437 (0,3 п.л.).
62. Калёнова, Н.А. Специфика «письма с фронта» как частного неофициального письма (на материале фронтовых писем сталинградцев 1941–1945 гг.) / Н.А. Калёнова // Царицынские рождественские чтения. Вып. 2 / под ред. В.И. Супруна. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2015. – С. 124 – 132 (0,43 п.л.).

КАЛЁНОВА Наталья Алексеевна

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЭМОЦИЙ
В ЧАСТНОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 18.01.16. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27